

РУССКОЕ СЛОВО ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

(1818–1883)

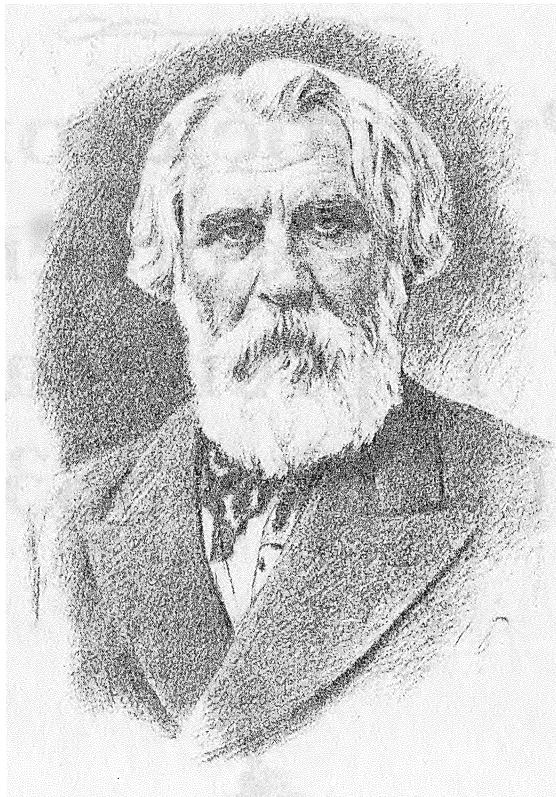
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Русское слово
Ивана Сергеевича
Тургенева
(1818–1883)

К 200-летию со дня рождения

Школьные литературные концерты, вечера,
викторины, конкурсы, спектакли
по произведениям И.С. Тургенева

Иван Сергеевич Тургенев
(1818-1883)

**Русское слово
Ивана Сергеевича
Тургенева
(1818–1883)**

К 200-летию со дня рождения

Школьные литературные концерты, вечера,
викторины, конкурсы, спектакли
по произведениям И.С. Тургенева

Сборник материалов
Автор-составитель
А.А. Цоколов

Москва
2017

УДК 82-82
ББК 74.200.58
Ц76

Ц76 Русское слово Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883).
К 200-летию со дня рождения / Авт.-сост. А.А. Цоколов. – М.:
Издательство ИТРК, 2017. – 80 с.

ISBN 978-5-88010-457-4

Сборник материалов адресуется всем любителям и ценителям русского языка и русской литературы, творчества Ивана Сергеевича Тургенева: учителям, руководителям драматических кружков и школьных театров.

Пособие поможет организовать и провести школьные литературные вечера, концерты, спектакли, конкурсы, викторины, посвящённые 200-летию со дня рождения великого классика русской литературы – И.С. Тургенева. Оно может быть использовано любыми учреждениями, в которых работают творческие детские и юношеские коллективы.

УДК 82-82
ББК 74.200.58

ISBN 978-5-88010-457-4

© Цоколов А.А., 2017
© Издательство ИТРК,
издание и оформление, 2017

ИНСЦЕНИРОВКИ К ШКОЛЬНЫМ СПЕКТАКЛЯМ, КОНЦЕРТАМ И ВЕЧЕРАМ

Бежин луг

Инсценировка по рассказу И.С. Тургенева

Действующие лица:

Ведущий спектакля (девочка или мальчик).

Охотник (рассказчик от лица автора).

Крестьянские мальчики:

Федя, 14 лет.

Павел, 12 лет.

Илюша, 12 лет.

Костя, 10 лет.

Ваня, 7 лет.

Ведущий (*выходит на сцену; перед занавесом*). Добрый вечер! Выступает наш школьный театр! В 2018 году исполняется 200 лет со дня рождения великого русского писателя, мастера слова, писателя-реалиста XIX века Ивана Сергеевича Тургенева. Мы подготовили спектакль по рассказу Ивана Сергеевича Тургенева «Бежин луг». Инсценировка написана ставропольским учителем русского языка Александром Андреевичем Цоколовым. Действующие лица и исполнители (*называет всех действующих лиц и фамилии, имена исполнителей*).

Занавес открывается.

Ведущий (*продолжает*). На лугу, возле леса, в ночном, стерегут лошадей крестьянские мальчики: Павлуша, Федя, Илюша, Костя и Ваня. Самому старшему из них, Феде, 14 лет, а самому младшему, Ване, 7 лет. Мальчики расположились у костра и перед сном рассказывают страшные истории. На поляну приходит заблудившийся охотник. Душный июльский день сменился ночной прохладой. Действие происходит в центральной России, в родных местах Ивана Сергеевича Тургенева, в Черниговском уезде, Тульской губернии.

Охотник (*Появляется в зрительном зале, медленно идёт через зрительный зал к сцене и рассказывает, обращаясь к зрителям*).

Был прекрасный июльский день. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнестое, не раскаленное, не тускло-багровое, но светлое и приветно лучезарное. Я охотился за тетеревами, нашёл и настрелял много дичи. Вечерняя заря погасла. В воздухе начали густеть и разливаться холодные тени. Я решился наконец вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошёл я длинную «площадь» кустов, взобрался на холм и увидел совершенно другие, мне не известные места.

Охотник подошёл к сцене, продолжает рассказ, поднимаясь медленно на сцену. На сцене картина летней июльской ночи у реки на поляне, возле леса. Слышится лай собак. Над костром небольшой котёльчик, дети сидят вокруг костра. Охотник останавливается на авансцене лицом к зрителям, осматривается.

Эге! Да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо. Да где же это я? Э! Да это, должно быть, Синдеевская роща... Да как это я сюда зашёл? Странно! Я всё шёл и уже собирался прилечь где-нибудь до утра, как вдруг увидел огромную равнину. В углу, возле реки, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились два огонька. Вокруг них копошились люди. Я узнал наконец, куда зашёл. Этот луг славился в наших околотках под названием Бежина луга.

Я решился подойти к огонькам и дождаться зари. Две большие белые собаки со злобным лаем бросились на меня. Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это были крестьянские ребятишки из соседних деревень, которые стерегли табун. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун – большой праздник для крестьянских мальчиков.

Охотник подходит ближе к мальчикам. Слышится лай собак.

Охотник (детям). Заблудился я! Добрый вечер.

Голоса мальчиков. Добрый вечер! Откуда вы будете?

Охотник. Из Лутовинова...

Располагается со своими охотничьими вещами недалеко от мальчиков, на первом плане сцены справа от зрителей, продолжает говорить, обращаясь к зрителям.

Я прилёг и стал глядеть кругом. Картина была чудесная! А всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня. В небольшом котельчике варились «картошки».

Ваня (выбегает на середину, смотрит в небо, показывает пальцем). Смотрите, а вон звёздочка покатилась... за тё-ё-ёплые моря...

Все мальчики подняли головы, смотрят.

Федя (как бы продолжая начатый рассказ, Илюше). Ну, и что ж ты, Илюша, так и видел домового?

Илюша. Нет, я его не видел, да его и видеть нельзя. А слышал... Да и не я один.

Павлуша. А он у вас где водится?

Илюша. В старой рольне¹.

Павлуша. А разве вы на фабрику ходите?

Илюша. Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в листовщиках² стоим.

Павлуша. Виши ты – фабричные!..

Федя. Ну, так как же ты его слышал?

Илюша (рассказывает красочно, с мимикой и жестами, с живой интонацией). А вот как. Пришлось нам с Авдюшкой, да с Фёдором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да ещё с Ивашкой Сухоруковым, да ещё были там другие ребятишки; всех было нас ребяток человек десять, пришлось нам в рольне заночевать. Назаров, надсмотрщик, запретил домой идти. Вот мы и остались и лежим все вместе, и начал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну как домовой придёт?.. И не успел он, Авдей-то, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошёл он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит;

¹ «Рольней» или «черпальней» на бумажных фабриках называется то строение, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом.

² «Листовщики» гладят, скоблят бумагу.

застучит, застучит колесо, завертится... Дивимся мы: кто же это их поднял, заставки-то спущены, что вода пошла; однако колесо повертелось, повертелось да и стало. Пошёл тот опять к двери наверху да по лестнице спущаться стал, и этак спускается и не торопится; ступеньки под ним так и стонут... Ну, подошёл к нашей двери, подождал, подождал – дверь вдруг так вся и распахнулась (*дети возгласами и мимикой показывают, что им страшно*). Всполохнулись мы, смотрим – ничего... Вдруг, глянь, у одного чана форма¹ зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место. А потом у другого чана крюк снялся с гвоздя, да и опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошёл да вдруг как закашляет, заперхает, словно овца какая, да зычно так... (*всем страшно, возгласы*). Мы все ворохом и свалились, друг под дружку полезли (*все сдержанно смеются*). Уж как мы напужались о ту пору!

Мальчики смеются и в то же время видно, что испытывают страх.

Павла. Виши как! Чего ж он раскашлялся?

Илья. Не знаю, может, от сырости.

Федя (*все смеются, неожиданно*). А что, картошки сварились?

Павла (*пробует в котелке*). Нет, ещё сыры...

Пауза, молчание. Вдруг раздаётся всплеск в реке, все оглядываются в сторону леса и реки.

Виши, плеснула...

Ваня (*высунул голову из-под рогожки*). А вон ещё звёздочка показилась... Вон...

Павла (*продолжает*). Должно быть, щука (*молчание*).

Дети смотрят на небо и что-то говорят друг другу.

Костя. Нет, я вам что, братцы, расскажу! Послушайте-ка, намеднись, что тятя при мне рассказывал.

Федя. Ну, слушаем.

Костя. Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

Голоса мальчиков. Ну да! Знаем... Гаврилу? Знаем! Конечно, знаем...

Костя (*начинает рассказ, сопровождая слова жестами, разной интонацией*). А знаете, отчего он такой всё невесёлый, всё молчит, знаете? (*Серьёзно.*) Вот отчего он такой невесёлый. Пошёл он раз, тя-

¹ Сетка, которой бумагу черпают.

тенька говорил, пошёл он, братцы мои, в лес по орехи, да и заблудился; зашёл – бог знает куды. зашёл. Уж он ходил, ходил, братцы мои, – нет! Не может найти дороги; а уж ночь на дворе! Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, – присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовёт. Смотрит – никого. Он опять задремал – опять зовут. Он глядит, глядит, а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовёт, а сама помирает со смеху, смеётся. А месяц-то светит сильно, всё, братцы мои, видно. Вот зовёт она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке. Гаврила-то, плотник, так и обмер, братцы мои, а она знай хочет да его к себе этак рукой зовёт. (*Показывает.*) Уж Гаврила было и встал, послушался было, братцы мои, да знать, господь его надоумил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои, говорит, рука просто как каменная, не ворочается... Вот как положил он крест, братцы мои, русалка-то и смеявшись перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волосы у неё зелёные, что твоя коночня... Вот поглядел на неё Гаврила да и стал спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, человече. А плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятственно стало, как ему из лесу выйти... А только с тех пор вот он всё невесёлый ходит.

Все молчат.

Федя. Эка! Да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спорить, – он же её не послушался?

Костя. Да вот, поди ты! Ещё Гаврила баил, что голосок у неё такой тонененький, жалобный, как у жабы... (*изображает тонененький голос жабы*). Ква-а-а-а.

Федя. Твой батька сам это рассказывал?

Костя. Сам. Я лежал на полатях и всё слышал.

Федя. Чудное дело! Чего ему быть невесёлым?.. А знать, он ей понравился, что позвала его.

Илюша. Да, понравился! Как же! Защекотать она его хотела, вот что она хотела. Это ихнее дело, этих русалок-то.

Федя. А вот ведь и здесь должны быть русалки.

Костя. Нет, здесь место чистое, вольное. Река близко.

Пауза. В лесу слышится протяжный звук, мальчики переглядываются, замерев.

Илюша (*первый нарушает молчание*). С нами крестная сила! (*Крестится.*)

Павлуша (*осмелев*). – Эх вы, вороны! Чего всплохнулись? (*Пауза.*) Посмотрите-ка, картошки сварились?

Мальчики копошатся у котелка, достают горячий картофель, обжигаясь, с возгласами.

Павлуша (*Ване*). Чего же ты?

Ваня (*молчит, потом говорит, глядя в небо*). Павлуша, гляди, ещё звёздочка покатилась...

Илюша. А слыхали вы, ребятки, что намеднись у нас на Варна-вицах приключилось?

Федя. На плотине-то?

Илюша. Да-да, на плотине, на прорванной! Вот уж нечистое место, и глухое такое. Кругом всё такие буераки, овраги, а в оврагах всё казюли¹ водятся.

Федя. Ну, что такое случилось? Сказывай...

Илюша (*выразительно, с жестами, рассказывает*). А вот что случилось. Ты, может быть, Федя, не знаешь, а только там у нас утопленник похоронен; а утопился он давным-давно, как пруд был ещё глубок; только могилка его ещё видна... Вот, на днях, зовёт приказчик псаля Ермила, говорит: «Ступай, мол, Ермил, на ту пошту». Ермил у нас всегда на пошту ездит. Вот поехал Ермил за поштой, да и замешкался в городе, но а едет назад он уж хмелён. А ночь светлая, месяц светит. Вот едет Ермил через плотину: ...такая уж его дорога вышла. Едет он и видит: у утопленника на могиле барашек, белый такой, кудрявый, хорошенъкий похоживает. Вот и думает Ермил: «...Возьму его, что ему так пропадать», да и слез и взял на руки... Вот идёт Ермил к лошади, а лошадь от него таращится, хрюпит, головой трясёт; однако он её отпрукал, сел на неё с барашком и поехал опять: барашка перед собой держит. Смотрит он на него, и барашек прямо в глаза так и глядит. Жутко ему стало, Ермилу-то: что, мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели... И стал он его по шерсти гладить и говорит: «Бяша, бяша!» А баран-то вдруг как оскалит зубы, да ему тоже: «Бяша, бяша...»

¹ Казюли – в орловских местах так дети называли змей.

Раздаётся лай собак, мальчики встрепенулись. Ваня, всё это время лежавший под рогожей, наполовину вылез и прислушался. Все прислушиваются.

Павлуша один бросился в лес с криком: «Жучка! Жучка! Серый!»

Всё стихает, потом издали, от реки доносится снова голос Павла: «Жучка! Жучка!» Мальчики переглядываются, ждут, смотрят на лес.

Слышится топот лошади, и вдруг появляется Павлуша.

Голоса мальчиков. Что? Что там? Что такое? Что?

Павлуша. Ничего. Так, что-то собаки зачухали. Я думал, волк...
(Часто дышит.)

Костя. А видали их, что ли, волков-то?

Павлуша. Их всегда здесь много. Да они беспокойны только зимой. (Присел, руку положил на Жучку, гладит её. Ваня опять полез под рогожку).

Федя. А какие ты нам, Илюшка, страхи рассказывал... Да и собак нелёгкая дёрнула залаять... А точно, я слышал, это место у нас нечистое.

Илюша. Варнавицы?.. Ещё бы! Ещё какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали – покойного. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и всё этак охает, чего-то на земле ищет. Ещё раз девушка Трофимыч повстречал: «Что, мол, батюшка, Иван Иваныч, изволишь искать на земле?»

Федя (очень изумился). Он его спросил?

Илюша. Да, спросил.

Федя. Ну, молодец же после этого Трофимыч...

Павлуша. Ну, и что ж тот?

Илюша. Разрыв-травы, говорит, ищу. Да так глухо говорит (изображает низким голосом) – Разрыв-травы, разрыв-траву-у-у... «А на что тебе, батюшка Иван Иваныч, разрыв-трава?» «Да вот, – говорит, – могила давит, хочется вон...»

Федя. Виши какой! Мало, знать, пожил...

Костя. Эко диво! Я думал, покойников можно только в родительскую субботу видеть.

Илюша. Покойников во всякий час видеть можно, а в родительскую субботу ты можешь и живого увидать, за кем в том году очередь помирать. Стоит только ночью сесть на паперть церковную да всё на дорогу смотреть. Те и пойдут мимо тебя по дороге, кому умирать в том году. Вот у нас в прошлом году баба Ульяна на паперть ходила.

Костя. Ну, и видала она кого-нибудь?

И л ю ш а. Как же! Перво-наперво она сидела долго, никого не видала. Вдруг, смотрит: идёт по дорожке мальчик в одной рубашонке. Она пригляделась: Ивашка Федосеев идёт...

Ф е д я. Тот, что умер весной?

И л ю ш а. Тот самый. Идёт и головушки не подымает... А узнала его Ульяна... Но а потом смотрит: баба идёт. Она вглядывается, вглядывается, – ах ты, господи! – сама идёт по дороге, сама Ульяна.

Ф е д я. Неужто сама?

И л ю ш а. Ей-богу, сама.

К о с т я. Ну что ж, ведь она ещё не умерла?

И л ю ш а. Да году-то ещё не прошло. А ты посмотри на неё: в чём душа держится.

Пауза. Тишина. Павел ворошит угли костра, подбрасывает сучья, пламя разгорается. Вдруг Ваня увидел вдали белого голубя и вскрикнул.

В а н я. Голубь! Смотрите!..

Все смотрят в сторону, куда показал Ваня.

К о с т я. Откуда он тут?

П а в л у ш а (*рассудительно*). Знать, от дому отбился. Теперь будет летать, покуда на что наткнётся, и где ткнёт, там и ночует до зари.

К о с т я (*серъёзно, многозначительно*). А что, Павлуша, не праведная ли душа летела на небо?

В а н я (*повторяет*). Летела ведь на небо, ась?

Ф е д я. А скажи, пожалуйста, Павлуши, что у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное?¹

П а в л у ш а. Как солнца-то не стало видно? Как же!

Ф е д я. Чай, напужались и вы.

П а в е л. Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напредки, что будет предвиденье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на-поди. А на дворовой избе баба-стряпуха так все горшки и перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопреставление». Так шти и потекли... (*смеётся, все тоже смеются*). А у нас на деревне, брат, такие слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку² увидят.

К о с т я. Какого это Тришку?

В а н я (*повторяет*). Какого ещё Тришку?

И л ю ш а (*с жаром, очень удивляется*). А ты не знаешь? Ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? (*Многозначительно*) Тришка – эвто будет человек такой удивительный, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя... Такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне; выйдут на него с дубьём, оцепят его, но а он им глаза отведёт – так отведёт им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острог его посадят, а он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнёт туда, да и поминай, как звали. (*Вседержанно смеются*). Цепи на него наденут, а он затрепещется – они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по сёлам да по городам; и будет он, лукавый человек, соблазнять народ христианский... Ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный человек.

¹ Предвиденье небесное – так крестьяне называли солнечное затмение.

² Тришка – Тургенев поясняет, что, вероятно, в народе сложилось такое название антихриста.

Павлуша (*неторопливо, тягуче*). Ну да, такой. Вот его-то и ждали у нас. Говорили старики, что вот, мол, как только предвидение небесное зачинётся, так Тришка и придёт. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждёт, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят – вдруг от слободки с горы идёт человек, такой мудрёный, голова такая удивительная... Все как крикнут: «Ой, Тришка идёт!» – да кто куды! Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застрыла, блатим матом кричит, свою же дворовую собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овёс, присел, да и давай кричать перепелом. ...Птицу-то враг, душегубец, пожалеет. Таково-то все переполошились!.. А человек-то этот наш бочар, Вавила: жбан себе новый купил да на голову пустой жбан надел и идёт себе (*Смеётся.*)

По ходу рассказа дети смеются, затем снова прислушиваются.

Слышится крик цапли, болезненный и резкий, дети прислушиваются.

Костя. Что это?

Ваня. Что это там?

Павел. Это цапля кричит.

Костя. Цапля?.. А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером... ты, может быть, знаешь.

Павлуша. Что ты слышал?

Костя. А вот что я слышал. Шёл я из Каменной Гряды в Шашкино; а шёл всё нашим орешником, а потом лужком пошёл, там, где он сугибелью¹ выходит, – там ведь есть бучило². Оно всё камышом заросло; вот пошёл я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо: у-у... -у-у... у-у! Страх меня такой взял, братцы мои: время-то позднее, да и голос такой болезненый. Так вот, кажется, сам бы и заплакал... Что бы это такое было? Ась?

Павел. В этом бучиле в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры. Так, может быть, его душа жалобится.

Костя (*расширил глаза, удивлённо*). Ой, а ведь и то, братцы мои, я ведь и не знал, что Акима в том бучиле утопили: я бы ещё не так напужался.

¹ Сугибель – крутой поворот в овраге.

² Бучило – глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом.

Павел. А то, говорят, есть такие лягушки махонькие, которые так жалобно кричат... (*Изображает кваканье лягушки*).

Ваня смеётся.

Костя (*тоже смеётся*). Ну, нет, это не лягушки.

Слышится крик цапли, дети смотрят на лес.

Костя. Эк её! Словно леший кричит.

Илюша. Леший не кричит, он немой. Он только в ладошки хлопает да трещит. (*Демонстрирует, как это получается у лешего*.)

Федя. А ты его видал, лешего-то, что ли?

Илюша. Нет, не видал. И сохрани бог его видать; но а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошёл: водил, водил его по лесу, и всё вокруг одной поляны...

Федя. Ну и видел он его?

Илюша. Видел, говорит, такой стоит большой, большой, тёмный, скутанный, словно за деревом, не разберёшь, словно от месяца прячется, и глядит глазищами-то, моргает, моргает. (*Показывает*.)

Ваня. Ой! Страшно!

Федя. Эх ты!.. Тыфу!

Павел. И зачем эта погань в свете развелась, право!

Илюша. Не бранись: смотри, услышит...

Молчание.

Ваня (*высовывает из-под рогожи голову, приподнимается, говорит радостно и громко*). Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки. Гляньте на божьи звёздочки – что пчёлки роятся.

Все мальчики подняли головы к небу, что-то между собой говорят, показывают.

Федя. А что, Ваня, сестра твоя, Анютка, здорова?

Ваня. Здорова!

Федя. Ты ей скажи: что она, отчего к нам не ходит?

Ваня. Не знаю.

Федя. Ты ей скажи, чтобы она ходила.

Ваня. Скажу.

Федя. Ты ей скажи, что я ей гостинцы дам.

Ваня (*весело*). А мне дашь?

Федя. И тебе дам.

Ваня (*громко вздыхает*). Ну, нет, мне не надо. Дай уж лучше ей. Она такая у нас добренькая... (*Снова прячет голову под рогожу*).

Павлуша встаёт, берёт пустой котелок, чтобы идти к реке.

Федя. Куда ты?

Павла. К реке. Водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить. (*Идёт по поляне к лесу, к реке, скрывается из виду.*)

Илюша. Смотри, не упади в реку!

Федя. Отчего ему упасть? Он остережётся!

Илюша. Да, остережётся! Всяко бывает: он вот нагнётся, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал?.. Вован, в камыши полез. (*Прислушивается, привстав на колени.*)

Костя. А правда ли, что Акулина-дурочка, с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

Илюша. С тех пор... Какова теперь! А, говорят, прежде красавица была.

Костя. А говорят, Акулина оттого в реку и кинулась, что её полюбовник обманул.

Илюша. От того самого.

Костя. А помнишь Васю?

Федя. Какого Васю?

Костя. А вот того, что утонул. В этой вот самой реке. Уж какой был! Мать-то его, Феклиста, уж как она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, что ему от воды погибель произойдет. Бывало, пойдёт-то Вася с нами летом купаться, – она так вся и встрепещется. Другие бабы ничего, идут себе мимо с корытами, переваливаются, а Феклиста поставит корыто наземь и станет его кликать: «Вернись, мол, вернись, мой светик!» Господь знает. Играли на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает, – глядь, а только уж одна Васина шапонька плывет. Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своём уме...

Ваня крестится. Вдали показывается Павлуша.

Федя. А вот и Павлуша идёт.

Павел подходит с котелком в руках.

Павла. Что, ребята, неладное дело?

Костя. А что?

Павла. Я Васин голос слышал.

Все ребята с возгласом вздрагивают. Пауза.

Слышится приглушенный шёпот ребят.

К о с т я и В а н я . Ч то ты, ч то ты?!

П а в е л . Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг, зовут меня этак Васиным голосом из-под воды: «Павлуша, а Павлуша! Подь сюда». Я отошёл, однако воды зачерпнул. Только стал я к воде нагибаться, опять слышу вдруг, зовут меня этак Васиным голосом из воды: «Павлуша! А Павлуша! Поди сюда!»

Г о л о с а м а л ъ ч и к о в . Ах ты, господи! Ах ты, господи! (Крестятся.). Ч то же это?

Ф е д я (с тревогой). Ведь это тебя водяной звал. А мы только что о нём, о Васе-то, говорили.

И л ю ш а (рассудительно). Ах, это примета дурная.

П а в л у ш а . Ну, ничего, пущай (грустно улыбается). Своей судьбы не минуешь. Давайте укладываться спать.

Пауза. Тишина. Мальчики начинают укладываться спать, переговариваясь. В отдалении слышится крик ночной птицы.

В а н я (приподнял голову, прислушивается). Ч то это?

П а в л у ш а (со знанием дела). Это кулички летят (задумался, смотрит в небо), посвистывают.

К о с т я . Куда же они летят?

П а в л у ш а (наблюдает в небе, встав в полный рост). А туда, где, говорят, зимы не бывает (говорит медленно, поэтически, мечтательно) Эх!

К о с т я . А разве есть такая земля?

П а в е л (опустился на землю, сел, обхватив руками колени). Есть! (Пауза. Задумчиво) Есть!

К о с т я . Далеко?

П а в л у ш а (Смотрит перед собой, мечтательно). Далеко, далеко, за тёплыми морями. (Смотрит в темноту леса.)

Все мальчики устраиваются спать у костра. Павел сидит, смотрит в сторону леса, потом кладёт голову на колени. Пауза. Тишина. Слышится крик ночной птицы сначала вдали, затем ближе и ближе. Все легли.

Павлуша поднимает голову и смотрит пристально на охотника, потом ложится рядом с другими у костра и засыпает. Пауза. Дети спят. Сцена постепенно затемняется и через некоторое время снова медленно освещается, так изображается рассвет. Справа, на авансцене стоит охотник.

Он оглядывается вокруг, смотрит на небо, на лес. Начинает говорить. Постепенно, со словами рассказа, он приближается к детям и, подойдя, останавливается поодаль. Охотник смотрит на спящих мальчиков и говорит.

Охотник: Бледно-серое небо светлело, холодело, синело. Утро зачиналось, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёю. Я проворно встал и пошёл к мальчикам.

Идёт к костру, останавливается, смотрит на детей, постояв молча, отходит к середине сцены и выходит на авансцену, говорит в зал.

Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра. Один Павел приподнялся до половины и пристально посмотрел на меня.

Павел встаёт во весь рост, потягивается, потом смотрит на небо и вокруг. Слышиится ржание лошадей. Светлеет. Павел, взяв ведро, идёт по направлению к лесу. Охотник смотрит ему вслед, вздыхая.

Охотник: К сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул. (Пауза.) Он уился, упав с лошади. Жаль. Славный был парень!

Сцена освещается больше и больше, все мальчики встают, разминаясь, переговариваясь, тихо смеются. Кто-то будит Ваню, и он, посидев на рогоже, тоже поднимается. Становится светло.

Все мальчики присоединяются к Охотнику на авансцене.

Ведущий (*Выходит и обращается к зрителям*). Вы смотрели спектакль нашего школьного театра «Бежин луг» по рассказу Ивана Сергеевича Тургенева. Роли исполняли (*называет роли и исполнителей*). Мы поняли, с какой любовью и каким интересом Иван Сергеевич Тургенев относился к крестьянским детям. Он очень любил общаться с ними. Спасибо за внимание!

Все исполнители и ведущий кланяются, делают несколько шагов к середине сцены, ещё раз кланяются. Занавес закрывается.

Советы по подготовке спектакля «Бежин луг»

В зрительном зале можно организовать уголок: показать иллюстрации К.В. Лебедева к рассказу «Бежин луг» и репродукции картины В.В. Маковского «Ночное», рисунки художника А. Пахомова; можно выставить несколько изданий рассказа «Бежин луг». Это поможет любителям школьного театра и постановщикам спектакля подумать над оформлением сцены, костюмами и освещением.

Для исполнителей и всех, кто будет принимать участие в подготовке спектакля (*художник, осветитель, костюмер и т.д.*), в подго-

товительный период необходимо провести беседы по истории создания рассказа «Бежин луг», биографии писателя, рассказать о картинах художников, писавших на сюжет этого рассказа И.С. Тургенева. Конечно, до начала работы над спектаклем весь коллектив исполнителей должен устроить громкую читку рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг». Руководитель, который организует подготовку спектакля, должен помочь учащимся найти методический материал по рассказу, подготовить небольшие сообщения о жизни писателя, организовать прослушивание (чтение) и обсуждение рассказа.

Потребуется тщательно продумать портреты всех мальчиков-героев рассказа «Бежин луг», учесть всё, что пишет автор, а потом эти портреты перенести на исполнителей – подыскать подходящих по внешности учащихся. Во время чтения нужно обратить внимание на крестьянскую речь всех мальчиков, уяснить незнакомые слова (просторечные, диалектные) обсудить их характеры, наметить поведение у костра, их мимику, жесты каждого, внешний облик. Это станет основой для создания образов на сцене. Все исполнители должны обладать ясной, чёткой речью и сильным голосом.

Постановщику и исполнителям ни в коем случае не следует прибегать к приёмам так называемого «осовременивания». Наоборот, следует полностью сохранить и передать на сцене все краски и выразительные средства тургеневского языка, крестьянский уклад жизни, речь мальчиков, одежду, их мимику и жесты, их интерес к необычным явлениям, их волнение и страх.

Надо показать трудолюбие мальчиков, их любознательность. Возникнут трудности с заучиванием текста каждой роли. В языке мальчиков много вводных слов, местных, диалектных выражений. Специфическим является построение фраз, необходимо уловить, понять интонацию каждого героя в живой речи, разную интонацию речи каждого мальчика.

Искажать текст тургеневского рассказа недопустимо, нужно знать текст роли на память с точностью, тогда, при уверенности в содержании текста, придут естественные интонации, жесты и мимика исполнителей на сцене. Работать над языком и разучиванием живой речи мальчиков нужно до тех пор, пока исполнители не будут допускать ни единой ошибки.

Тургеневский язык и живая речь крестьянских мальчиков – важнейшее изобразительное средство в рассказе и в спектакле. С этим связаны выражение лиц (мимика) мальчиков и их позы у костра. Об-

ратите внимание на то, что действие происходит только в одной точке сцены – у костра, а положение детей в основном одно: они сидят вокруг костра и рассказывают страшные истории перед сном. Поэтому постановщику необходимо так разучить все мизансцены и так умело находить новые позы каждого героя и такое выражение лица, чтобы на всём протяжении спектакля воспринималось живое действие, вызывающее заинтересованность зрителей, чтобы избежать однообразия и скучного сидения мальчиков у костра. Этого ни в коем случае нельзя допустить. Пусть исполнители придумают себе разные маленькие действия. Но нельзя и переигрывать. Укажем на описание каждого из мальчиков, как это даётся в рассказе у И.С. Тургенева.

Павлуша – мальчик лет двенадцати. У него всклокоченные тёмные волосы, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, голова огромная. Павлуша приземист, несколько неуклюж. Глядит очень умно и прямо, в голосе звучат сила и рассудительность. Он спокойный и самый деятельный. Вот он одной рукой пробует картошку в котелке, вот смело идёт в темный лес, активно старается подкладывать хворост в костёр, чтобы поддерживать огонь. Одет просто, даже бедно: в простую замашную рубаху и заплатанные портки. Можно представить, что тембр голоса у него низкий, басовитый.

Федя – старший из мальчиков. Ему лет четырнадцать. Он из зажиточной семьи. Он стройный, с красивыми и тонкими чертами лица, у него белокурые кудрявые волосы, светлые глаза. Он постоянно улыбается, часто принимает позу полулёжа, опервшись на локоть, раскинув полы своего армяка, поправляя его; обут в сапожки с низкими голенищами. Федя приехал с ребятами в ночное просто так, ради забавы, он любит слушать разные истории. На нём пёстрая ситцевая рубаха с жёлтой каёмкой, небольшой новый армячок, надетый на кидку. На голубеньком поясе висит гребешок.

Костя мал ростом, ему десять лет, у него задумчивое лицо, взгляд печальный. Лицо в веснушках, книзу заостreno, как у белки, губы тонкие. Лицо оживляют очень выразительные чёрные глаза с блеском, одет бедно, он маленького роста, вся его фигурка тщедушная. На Костю каждый раз сильное впечатление производит очередная история, рассказанная у костра. Голос высокого тембра.

Илюше двенадцать лет. У него лицо горбоносое, вытянутое, подслеповатое, выражает болезненную заботливость обо всём. У него

часто сдвинуты губы и брови, он как будто щурится от огня. Волосы у Илюши желтовато-белые и торчат острыми косицами из-под войлочной шапочки, которую он то и дело надвигает себе на уши обеими руками. Он живой и словоохотливый, лучше всех знает все сельские легенды и поверья, умеет рассказывать их с чувством, занимательно. На нём новые лапти и онучи, опрятная чёрная верхняя крестьянская одежда. Толстая верёвка три раза перевита вокруг его стана. Высокий тембр голоса.

Ваня лежит на земле, накрывшись куском рогожки, выставляя из-под неё голову. Иногда встаёт, садится. Он любит задавать вопросы. Волосы у него русые и кудрявые, он одет просто, по-крестьянски. Ему 7 лет. Он очень интересуется небом, звёздами, считает их.

Необходимо определить, в каких сценах действие замедляется, в каких убирается, когда нужны паузы. Это нужно по ходу рассказывания страшных историй. Нужно суметь передать реакцию на них каждого из мальчиков. Важно определить, в каких сценах действие оживляется смехом, каким-нибудь жестом, выкриком; когда, при каких словах мальчики меняют свои позы у костра, что держат в руках, что находится в поле их зрения каждый раз по ходу всего действия; как передать страх, который испытывают мальчики при каждой новой истории. Всё это позволит избежать однообразия и монотонности спектакля.

Важно передать народность крестьянской речи мальчиков. Исполнители мальчиков должны хорошо потренироваться, чтобы освоить спокойную деревенскую интонацию своих героев. Это потребует от каждого исполнителя большой работы: точно, без искажений, запомнить текст, поработать над естественностью интонации, она должна быть у каждого своя, разная. Ученикам – исполнителям ролей – нужно хорошо объяснить, что значит играть роль (исполнять). Это означает, что каждый должен придумать себе характер мальчика (по Тургеневу, по рассказу), жесты, голос, интонацию, чем будет заниматься у костра, как слушать, как рассказывать, как отвечать, как смеяться и т.д.

Первая любовь

Инсценировка по повести И.С. Тургенева.
Использованы стихи А.С. Пушкина

Действующие лица:

Владимир, 16 лет.

Рассказчик, от имени Владимира.

Молодые люди, 4 человека, 20–23-х лет.

Княгиня Засекина, 50 лет.

Зинаида, её дочь, 21 года.

Горничная

Рассказчик (*выходит на авансцену справа*). Мне было тогда шестнадцать лет. Я жил в Москве, у родителей. Они нанимали дачу около Калужской заставы. Я никогда не забуду первых недель, проведённых мною на даче. Погода стояла чудесная; я гулял – то в саду, то за заставой; кровь бродила во мне, и сердце ныло – так сладко и смешно: я всё ждал, робел чего-то и всему дивился; фантазия играла и носилась вокруг одних и тех же представлений; я задумывался и даже плакал; но сквозь слёзы и сквозь грусть, навеянную то певучим стихом, то красотою вечера, пропступало радостное чувство молодой, закипающей жизни.

*Музыкальный фон. Появляется Владимир,
он романтически читает стихи Пушкина.*

Владимир (*читает наизустъ*).

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,

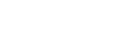
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глупши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

Пауза.

Рассказчик. В то время образ женщины, призрак женской любви почти никогда не возникал определёнными очертаниями в моём уме; но во всём, что я думал, во всём, что я ощущал, таилось полуосознанное, стыдливое предчувствие чего-то нового, нескованно сладкого...

Владимир (*читает наизусть*).

Я думал, сердце позабыло
Способность лёгкую страдать.
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Предмощной властью красоты.

Рассказчик. Это предчувствие, это ожидание проникло весь мой состав: я дышал им, оно катилось по моим жилам в каждой капле крови... ему было суждено скоро сбыться.

У меня была привычка бродить каждый вечер по нашему саду. Я шёл потупя голову. Вдруг мне послышались голоса; я взглянул через забор – и окаменел...

*Идут молодые люди, Зинаида, весело разговаривают,
все оживлены, смеются.*

В нескольких шагах от меня – на поляне, между кустами зелёной малины, стояла высокая стройная девушка с белым платочком на голове.

Девушка и молодые люди выходят на середину сцены, веселее что-то обсуждая, смеясь, перебивая друг друга. Владимир стоит поодаль, наблюдая.

Вокруг неё теснились четыре молодых человека, и она поочерёдно хлопала их по лбу небольшими серыми цветками. Молодые люди охотно подставляли свои лбы, а в движениях девушки было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмешливое и милое, что я чуть не вскрикнул от удивления и удовольствия, чтобы только и меня эти прелестные пальчики хлопнули по лбу.

Я всё забыл, я пожирал взором этот стройный стан, и шейку, и красивые руки, и слегка растрёпанные белокурые волосы под белым платочком...

Один из молодых людей (громко, Владимиру). Послушайте, молодой человек, а молодой человек, разве позволительно глядеть так на чужих барышень?

Все смотрят на Владимира.

Рассказчик. В это самое мгновение девушка обернулась ко мне... Я увидел огромные серые глаза на подвижном, оживлённом лице... белые зубы сверкнули на нём, брови как-то забавно поднялись... Я вспыхнул и убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками. Сердце во мне так и прыгало, мне было очень стыдно и весело: я чувствовал небывалое волнение. Образ этой молодой девушки носился передо мною, сердце перестало прыгать, но как-то приятно сжалось.

Пока говорит рассказчик, в это время уже готовится сцена: комната Засекиной, она появляется, усаживается. Входит Владимир, что-то говорят. Молодые люди, беседуя, проходят дальше, уходят.

Рассказчик. «Как бы с ними познакомиться?» – было первою моей мыслью. Но, пока я волновался и строил различные планы, судьба уже порадела обо мне.

Матушка приказала мне сходить к Засекиным и на словах объяснить, что готова оказать услугу и просить пожаловать к ней в часу первом. Я отправился.

*У окна сидит женщина лет пятидесяти, в зелёном старом платье.
Рассказчик уходит.*

Сцена: княгиня Засекина и Владимир.

Владимир. Я имею честь говорить с княгиней Засекиной?

Княгиня Засекина. Я княгиня Засекина; а вы сын господина В.?

Владимир. Точно так-с. Я пришёл к вам с поручением от матушки.

Подаёт записку, она читает.

Княгиня Засекина. Садитесь, пожалуйста. (за кулисы, громко) Вонифатий! Где мои ключи, не видал?

Владимир садится.

Очень хорошо. Непременно буду. А как вы ещё молоды! Сколько вам лет, позвольте спросить?

Владимир. Шестнадцать лет.

Весёлая, появляется Зинаида.

Княгиня Засекина. Годы хорошие... А вот и дочь моя. Зиничка, это сын нашего соседа... Как вас зовут, позвольте узнать?

Владимир (вставая). Владимиром.

Зинаида всё время смотрит на Владимира с некоторой усмешкой.

Княгиня Засекина. А по батюшке?

Владимир. Петровичем.

Княгиня Засекина (бодро, с энтузиазмом). Да! Вот вспомнила... У меня был полицеймейстер знакомый, тоже Владимиром Петровичем звали (За кулисы, очень громко.) Вонифатий! Не ищи ключи, ключи у меня в кармане... (Звенит ключами.) Вот они...

Зинаида. А я уже видела мсьё Вольдемара (к нему). Вы мне позволите так называть вас?

Владимир. Помилуйте-с.

Княгиня Засекина (очень удивлённо). Где это?

Зинаида не отвечает, не спускает глаз с Владимира.

Зинаида. Вы теперь заняты? Нет?

Владимир. Никак нет-с.

Зинаида (оживлена, очень весело). Хотите вы мне помочь шерсть распутать?

Убегает за кулису.

Княгиня Засекина (намереваясь уйти). Садитесь, пожалуйста, мсьё Владимир.

Владимир садится, Засекина идёт к выходу и встречается с Зинаидой, они что-то обсуждают про себя, рассматривая красную шерсть. Засекина уходит, Зинаида быстро садится напротив Владимира.

Зинаида. Скажите, что вы подумали обо мне вчера, мсьё Вольдемар? Вы, наверно, осудили меня?

Владимир. Я... княжна... Я ничего не думал... как я могу...

Зинаида (работает с шерстью, даёт Владимиру часть этой связки, говорит громко, энергично). Послушайте, Вы меня ещё не знаете; я престранная: я хочу, чтобы мне всегда правду говорили. Вам, я слышала, шестнадцать лет, а мне двадцать один: вы видите, я гораздо старше вас, и потому вы всегда должны мне говорить правду... и... слушать меня...

Владимир опустил глаза, не смотрит на неё.

Она говорит искриво, повелительно.

Глядите на меня, Вольдемар! Отчего вы на меня не глядите?

Он смущён, поднял глаза на Зинаиду, она улыбается ему одобрительно.

Зинаида. Глядите на меня (ласково). Мне это приятно, когда вы смотрите на меня!.. Мне ваше лицо нравится: я предчувствую, что мы будем друзьями (лукаво). А я вам нравлюсь?

Владимир. Княжна...

Зинаида. Во-первых, называйте меня Зинаидой Александровной, а во-вторых, что это за привычка у молодых людей не говорить прямо то, что они чувствуют. Ведь я вам нравлюсь?

Владимир (немного неумело, старается показать смелость). Конечно, Вы мне очень нравитесь, Зинаида Александровна; я не хочу это скрывать.

Зинаида утвердительно кивает, улыбается.

Зинаида. Ну вот... У вас есть гувернёр?

Владимир (неуверенно). Нет, у меня уже давно нет гувернёра.
Зинаида (с иронией). О! да я вижу – вы совсем большой!

Легонько хлопает по пальцам его, так как он опускает руки с нитками ниже и ниже, ей неудобно разматывать.

Держите прямо руки! Поднимите! Поднимите! Вот так...

Она наматывает клубок ниток. Не смотрит на Владимира, так как занята клубком. Владимир рассматривает Зинаиду.

Рассказчик (выходит). Я глядел на неё – и как дорога и близка становилась она мне. Мне сдавалось, что я давно её знаю. Кончики её ботинок выглядывали из-под её платья, я бы с обожанием преклонился к этим ботинкам... «И вот я сижу перед ней, – думал я, – я с ней познакомился... какое счастье, Боже мой! Мне было хорошо, как рыбке в воде, и я бы век не ушёл из этой комнаты, не покинул бы этого места.»

Зинаида ласково смотрит на Владимира.

Зинаида (медленно). Как вы на меня смотрите...

Грозит пальчиком и смеётся.

Княгиня Засекина (голос из-за кулис). Зина! Беловзоров принёс тебе котёнка! Зина!

Зинаида (радостно, порывисто вскакивает). Ой, котёнка! Иду!..

Бросает на колени Владимиру клубок, он покатился по полу;

Зинаида убегает; спутанные нитки Владимир собирает, медленно всё складывает, смотрит вслед.

Входят Зинаида и княгиня Засекина с котёнком в корзинке, за ними идут молодой человек, горничная. Все весело и с интересом смотрят на котёнка, все оживлены, что-то говорят между собой. Владимир присоединяется к ним.

Зинаида. Какой смешной! Полосатый... (Пытается дотронуться).

Княгиня Засекина. И глаза у него не серые, а зелёные...

Горничная (подтверждает). Зелёные, зелёные... Хорошенький какой...

Зинаида (Владимиру). И уши какие большие! (Молодому человеку.) Спасибо вам, Виктор Егорыч!

Молодой человек. Вам угодно было вчера сказать, что вы желаете иметь полосатого котёнка с большими ушами... Вот я и достал-с.

Зинаида (спохватилась). Ах, он голоден! (Все соглашаются; горничной.) Соня! Принесите молока.

Горничная уходит и возвращается с блюдечком молока. Зинаида берёт чашку и ставит в корзинку. Все смотрят.

Зинаида (Сильно наклоняется и заглядывает сбоку, как ест котёнок). Какой у него розовый язычок!

Все смотрят. Возгласы восхищения.

Княгиня Засекина. Надо унести его теперь. Он хочет спать.

Зинаида (горничной). Да. Соня, унеси его.

Горничная берёт корзиночку, вместе с княгиней уходит.

Гусар Виктор Егорыч обращается, улыбаясь, к Зинаиде.

Виктор Егорыч. За котёнка – позвольте ручку.

Зинаида. Обе!

Протягивает обе руки, гусар целует, Зинаида смотрит на Владимира.

Гусар уходит. Владимир и Зинаида уходят.

Зинаида. Мсьё Вольдемар, идёмте, идёмте, будем смотреть, как спит котёночек... (Все уходят.)

Рассказчик (Садится на скамью, она должна быть поставлена заранее на авансцене справа от зрителей в углу). Дома я присел на стул и долго сидел как очарованный. То, что я ощущал, было так ново и так сладко... Я медленно дышал, то молча смеялся, то внутренне холодел при мысли, что я влюблён, что вот она, вот эта любовь. Лицо Зинаиды тихо плыло передо мной, губы её всё так загадочно улыбались, глаза глядели задумчиво и нежно... Я уже перестал быть просто молодым мальчиком; я был влюблённый. Я изнывал в отсутствие Зинаиды: ничего мне на ум не шло, всё из рук валилось, я по целым дням напряжённо думал о ней, но и в её присутствие мне становилось не легче. Зинаида тотчас же догадалась, что я в неё влюбился, да я и не думал скрываться; она потешалась моей страстью, дурачила, баловала и мучила меня.

Рассказчик уходит. Выходят Зинаида и Владимир, идут по авансцене к скамье.

Зинаида. А теперь, Вольдемар, прочтите мне какие-нибудь стихи. Я люблю, когда вы стихи читаете. Прочтите мне Пушкина, «На холмах Грузии».

Садится. Владимир на середине авансцены читает.

Владимир. Хорошо... (Читает медленно, проникновенно.)

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Зинаида (повторяет задумчиво, но весело).

«Что не любить оно не может»... (весело и громко) Вот чем поэзия хороша: она говорит нам то, чего нет и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду... (Декламирует).

И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

И хотело бы, да не может! Как замечательно сказал Пушкин! Не правда ли? Садитесь, пожалуйста, мсьё Вольдемар!

Владимир садится рядом. Зинаида встрепенулась, встала, кладёт руку на голову Владимира и крутит его волосы.

Владимир. Больно... А! Больно...

Зинаида (накручивает волосы). А больно! А мне не больно? Не больно? (Выдернула прядь волос) Ай! Что это я сделала? Бедный мсьё Вольдемар! (Расправляет волосы и наматывает на палец, сворачивает в колечко.) Я ваши волосы к себе в медальон положу и носить их буду (на глазах слёзы). Это вас, быть может, утешит немного... а теперь прощайте. Пойдёмте. У мамаши сидит Майданов: он мне принёс свою поэму, а я его оставила. Он огорчён теперь... Что делать! Вы когда-нибудь узнаете... Только не сердитесь на меня!

Зинаида жмёт ему руку и спешно уходит, декламируя стихи.

И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Владимир (один у скамьи). Что значат её слова?

Пауза.

Боже мой! Боже мой! Она полюбила...

Уходит с этими словами, радостный, улыбаясь.

Рассказчик (*появляется*). Спустя три дня Зинаида встретила меня в саду. Она сама меня остановила.

Владимир и Зинаида выходят на авансцену вдвоём, у Зинаиды красная роза.

Зинаида (*ласково*). Дайте мне руку. Мы давно с вами не болтали.

Берёт руку Владимира.

Владимир. Вы нездоровы?

Зинаида. Нет, теперь всё прошло. Я немножко устала, но и это пройдёт.

Владимир. И вы опять будете такая же, как прежде?

Зинаида поднесла розу себе к лицу.

Зинаида. Разве я изменилась?

Владимир. Да, изменились.

Зинаида. Я с вами была холодна – я знаю, но вы не должны были обращать на это внимания... Я не могла иначе... Ну, да что об этом говорить!

Владимир (*грустно, с порывом*). Вы не хотите, чтоб я любил вас – вот что!

Зинаида. Нет, любите меня, любите – но не так, как прежде.

Владимир. Как же?

Зинаида. Будемте друзьями – вот как! (*Даёт ей понюхать розу, весело.*) Послушайте, ведь я гораздо старше вас – я могла бы быть вашей тётишкой, право; ну, не тётишкой, старшей сестрой. А вы...

Владимир (*перебивает её, с грустью*). А я для вас ребёнок.

Зинаида (*как-то ласково, слегка трогая его плечи, поглаживая*). Ну да, ребёнок, но милый, хороший, умный ребёнок, которого я очень люблю. (*Даёт ей понюхать розу.*) Знаете ли что? Я вас с нынешнего же дня жалую к себе в пажи; а вы не забывайте, что пажи не должны отлучаться от своей госпожи. Вот вам знак вашего нового достоинства.

Вдевает розу в петлю куртки Владимира.

Это знак нашей к вам милости.

Владимир. Я от вас прежде получал другие милости.

Зинаида. А! Какая у него память! Что ж! я и теперь готова...

Целует его в лоб, отворачивается, идёт, смеётся, оборачивается, видит, что Владимир сидит. Она говорит играя.

Ступайте же за мной, мой паж...

Владимир поднимается и идёт. Зинаида и Владимир уходят.

Звучит музыка: романс на слова Тургенева «Утро туманное». На сцене никого нет. Длительная пауза, пока звучит романс. С последним куплетом романса проходят княгиня Засекина и Зинаида, беседуя. С окончанием музыки появляется Владимир, переодетый в новое платье, он кланяется для приветствия.

Княгиня Засекина. Что это, батюшка, ваши так рано вспомнились? Уезжаете?

Владимир. Да, мы уезжаем в город. Отцу не хочется больше оставаться на даче.

Зинаида. И вам так легко нас покинуть, мсьё Вольдемар?

Княгиня Засекина что-то шепчет на ухо Зинаиде и уходит.

Владимир. Вот я улучил удобное мгновение и отправился к вам. (Пауза.) Матушка объявила... Я пришёл с вами проститься, княжна, вероятно, навсегда. Мы уезжаем.

Зинаида (взяла руку Владимира, они проходят на авансцену к середине). Да, я слышала. Спасибо, что пришли. Я уже думала, что не увижу вас. Не поминайте меня лихом. Я иногда мучила вас; но все-таки я не такая, какою вы меня воображаете.

Отходит и смотрит задумчиво, печально.

Право, я не такая. Я знаю, вы обо мне дурного мнения.

Владимир. Я?

Зинаида. Да, вы... вы.

Вступает музыка: романс «Я встретил вас» (стихи Ф.И. Тютчева) на фоне музыки происходит разговор.

Владимир (горестно, его обе руки в руках Зинаиды). Я? Поверьте, Зинаида Александровна, что бы вы ни сделали, как бы вы ни мучили меня, я буду любить и обожать вас до конца дней моих.

Зинаида, раскрыв руки, обняла голову Владимира, крепко поцеловала его.

Зинаида (смотрит долго на Владимира, держит его обе руки). Тогда... прощайте, прощайте, мсьё Вольдемар!

Быстро уходит.

Владимир (один, идёт на авансцену медленно, вздыхает, говорит в раздумье). Неужели эта кроткая, рассудительная девушка – Зинаида? Боже мой! С какой новой силой разгоралась во мне всё это время моя первая любовь! Я бродил целыми днями... Бродил как шаль-

ной и одного только желал, чтобы поскорей увидеться. На что она надеялась? (*Улыбается, вспоминая.*) Моя любовь со всеми волнениями и страданиями – такая детская... Вот чем всё разрешилось... О молодость! Молодость! Ты как будто обладаешь всеми сокровищами вселенной! Ты самоуверенна и дерзка! Дни бегут и исчезают без следа и счёта, и всё в тебе исчезает, как воск на солнце, как снег... Тайна молодости состоит не в возможности всё сделать, а в возможности думать, думать, что ты всё сумеешь сделать, и пускаешь по ветру силы... На что я надеялся, чего я ожидал, какую будущность предвидел, когда едва проводил одним вздохом на миг возникший призрак моей первой любви. На что я надеялся? (*в раздумье*) И теперь у меня не остается ничего более дорогого, чем только вспоминать эту быстро пролетевшую весеннюю грозу. Это моя любовь... Моя первая любовь принадлежит действительно к числу не совсем обыкновенных (*Улыбается.*) Как у Александра Сергеевича Пушкина?

Пауза. Владимир в раздумье ходит, вступает музыка: романс А.С. Даргомыжского на слова А.С. Пушкина «Я вас любил».

На фоне музыки Владимир читает стихи.

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Владимир (*задумчиво, отрешённо повторяет*).

Как дай вам бог любимой быть другим...

*На фоне негромкой музыки, после чтения стихов,
все артисты выходят на авансцену, кланяются.*

Ведущий спектакля выходит и объявляет: Вы смотрели спектакль нашего школьного театра по повести Ивана Сергеевича Тургенева «Первая любовь». Роли исполняли: (*перечисляет действующих лиц и исполнителей, которые при назывании выходят вперёд и кланяются*).

Юный Тургенев

Инсценировка по повести Ю.А. Гаецкого
«Ранние метели»

Действующие лица:

Иван (Иван Сергеевич Тургенев), 16 лет.

(Высокий, русоволосый, красивый молодой человек.)

Варвара Петровна, его мать, помещица.

(Статного сложения, с сильным голосом.)

Лушка, крепостная девушка, 15 лет.

(Красивая, русоволосая, с длинной косой.)

Николай Федосеев, крепостной художник.

Семён, дворецкий Варвары Петровны, мужчина 40 лет.

Ведущий спектакля.

Иван и Лушка выходят навстречу друг другу. В середине сцены, ближе к авансцене, они останавливаются.

Лушка (тихо и ласково, сложив руки под грудью, кланяясь в пояс). Здравствуйте, барин Иван Сергеич. С благополучным приездом вас, барин.

Иван (громко, осердившись). Да ты что это, Лушка! Какой я тебе барин? Что выдумала! Мы же вместе росли, книжки читали, по парку бегали. Мы с тобой яблоки воровали у Михеича в саду... аль забыла? На Варнавицах, у плотины, от страха дрожали... А ты барином меня называешь, «вы» говоришь, в пояс кланяешься! Что ты!

Лушка (печально). Спасибо на добром слове, Иван Сергеич. То было и, однако, быльём поросло. Нельзя мне теперь по-прежнему.

Вы, значит, барин, я ваша холопка... А коли просьбой своей дать почитать книги, если не угодила, уж вы извините-с, почитать больно хочется хорошую книжку.

И в а н. Ах, Лушка, Лушка! Вот тебе книжки. Драгоценный наш Александр Сергеич Пушкин, да ещё Александр Бестужев-Марлинский.

Передаёт книги.

Л у ш к а. Благодарствуйте, барин Иван Сергеич, спасибо...

Кланяется, книги прижимает к груди.

И в а н (снова с укоризной). Перестань кланяться, Лушка. Ну, прощай. Я к Николаю Федосеичу, художнику, в Петровское. Уж как он там живёт, в своей хилой избушке, не знаешь?

Л у ш к а. Работает холоп, не жалуется, значит всё хорошо... Ещё раз: благодарствуйте, барин Иван Сергеич!

Иван уходит. Лушка уходит в другую сторону.

На сцену выходит Николай Федосеич. Раскладывает свой мольберт, в рабочей длинной, широкой куртке (халате), испачканной красками.

Пишет. Отходит от мольberта, чтобы смотреть на свою работу, снова принимается за работу. В момент появления Ивана он работает, внимательно рассматривая свою картину.

И в а н. (входит с противоположной стороны сцены, радостно, громко). Здравствуй, Николай Федосеич! Бог тебе в помощь! Да ты рисуй, рисуй. Я посижу вот здесь, на лавке.

Н и к о л а й (поклонился). А! Благодарствуйте, Иван Сергеич! Я живо, в один момент... Надобно тут бутончик порезвее намалевать, чтобы роза моя зажила... После дождя она – так задумано-с, капельки на ней сверкать должны, а не выходит никак... Свежестью должна пахнуть. Я живо-с!

Работает кистью. Иван всё это время рассматривает картину.

Садится на лавку у окна, оглядывает жилище Николая, пока тот заканчивает работу.

И в а н Я, знаешь, Федосеич, и на прогулку-то не поехал с родителями, чтоб к тебе поскорее зайти.

Федосеев работает. Иван продолжает громко, уверенно.

Мне Никанор передал – беда у тебя. Только какая беда, не говорил. Может, у тебя такая беда приключилась, что и мне не под силу

помочь... Ведь тебе известно, Федосеич – у нас маменькина воля во всём, трудно нам с братцем Николушкой... Да ты говори, говори, от всего сердца говори, ты не бойся ничуть... Садись вот на лавку и рассказывай всё как есть.

Николай (*с тоской, почти с отчаянием. Не садится, а стоит перед Иваном*). Ах, барин Иван Сергеич! Худо мне, так-то худо! Чую душой, что совсем погибаю-с, а какой найти выход, не знаю. Вы уже, барин, не дитя, в полный разум вошли, да хоть бы и дитя – всё одно. Так извольте же слушать, коли желательно-с.

Прохаживается, в раздумье, пауза, потом садится рядом с Иваном.

Я ведь живописи обучался в столицах, Иван Сергеич, даже у самого Ореста Адамовича Кипренского. И он меня всегда отличал от других. Посмотрит, бывало, как я работаю, улыбнётся. Трудись, трудись, Николай, скажет, выйдет из тебя живописец, меня ещё за пояс заткнёшь, говорит.

Ну, это Орест Адамович, конечно, так себе говорил, потому кто же его в искусстве живописи превзойти может? Да никто-с и никогда-с! Однако то верно, что сильно я у него руку набил и по жанру, и в композиции, и в портрете, и в пейзаже.

Маменька ваша тогда для меня ничего не жалели-с, жил и работал я окрылённо, мечтал о великом... (*вздыхает*) Мечты-с, мечты-с! Ах, барин Иван Сергеич, те мечты так и остались мечтами-с!

Сидит, опустив голову, молчит, задумался. Пауза.

Иван. Федосеич, как же ты тут, у нас, в Спасском-то очутился в таком положении?

Николай. А по злосчастной моей судьбе-с, Иван Сергеич! Я вам о том доложу обстоятельно...

Встаёт и взволнованно ходит взад-вперёд.

Это я теперь таковым стал – маляр, одним словом, пропаща душа. Пью-с, значит, горькую, если копейку добуду. Да как же не пить-то! Барин вы мой дорогой, сами посудите-с! Четыре года продолжалось моё учение: сначала, значит, в Питере, потом в Москве, потом декоратором был в Большом Петровском и в Малом театре-с. Рисовал лес, замок... Самому Мочалову нравилось. Михайла Семёнович Щепкин мои декорации одобрял... И всё полетело в тартарары...

Иван. Что случилось, Федосеич?

Николай. Года два тому будет, как прознала вдруг барыня, маменька ваша Варвара Петровна-с, что малюю я декорации для театру... И захотела возвернуть меня в Спасское. Экие люди за меня хлопотали перед барыней, вашей маменькой!

И всё по-пустому. Вернули меня в Спасское и тут счастливой фортуны моей конец... Сами видите, как живу. Да это бы не беда, а скверно то, что маменька ваша не велит мне малевать ничего, кроме её любимых цветов. Пишу и пишу, – только флоксы, розы, тюльпаны, георгины, ландыши... Верите-с, ночью и то снятся эти цветы. Шипят вокруг, словно змеи. Так как же тут и не пить-то?

Иван Федосеич, ты же знаешь, цветы – украшение природы. Пустынной, голой, безрадостной была бы земля, если б не цвели по лесам фиалки и ландыши, если бы не было на клумбах розы, жасмина, сирени!

Николай. Да! Да! Но вот умудрился же человек – и кто? Ваша маменька, просвещённая барыня, умудрилась сделать цветы наказанием господним, невыносимою ношей для меня...

Пауза.

Николай (*продолжает*). Я осмелился было ослушаться барыни, и начал тайно, по памяти писать портреты. Написал один портрет – незабвенного учителя моего Кипренского, другой – Михайлы Семёновича Щепкина... Маменька ваша узнали-с, холсты сожгли-с, а меня на конюшне велели выпороть. Тридцать ударов я получил, Иван Сергеич. Вот она, видимо, плата за искусство моё и талант! Думал, барыня Варвара Петровна в Москву отъедет, стану портреты, ландшафты писать. Куды там! Наказали-с contadorщику Леону строго-настрого: Федосееву, живописцу, ни холста, ни красок, ни кистей не давать. А что б даром хлеб господский не ел, пусть ходит пока в конюхах, а там поглядим...

А что глядеть? Опять же цветы малюю, будь они трижды... Вот и осмелился потревожить вас, Иван Сергеич. Одна только вы у меня и надёжа, барин Иван Сергеич! А более податься мне некуда-с, смилийтесь, барин!

Николай падает на колени и пытается поцеловать руку Ивана.

Иван (*вскакивает в негодовании, в страхе кричит*). Что ты, Федосеич! Встань, встань, сейчас же, Федосеич! Что это ты выдумал? Встань, ради бога, сейчас же встань и сядь на лавку, не то я осержусь!

Николай встал с колен и сел на лавку. Пауза.

Иван продолжает стоять.

И в а н. Говори твою просьбу, Николай Федосеич. Я всё сделаю, что могу. Мне тебя жаль. До слёз жаль.

Н и к о л а й (*смотрит на Ивана, говорит ласково*). Обеспокоил я вас, барин Иван Сергеич. Вон как вы взволновались. Простите-с, простите-с. Да больше мне вроде и некому горе своё рассказать. Кому я расскажу, как оставляет меня помаленьку талант мой. Я как будто машиной какой становлюсь... цветочки-ягодки малевать каждый день...

И в а н. Знаешь, Федосеич, прости... надо мне идти. Не дай бог вернулись с прогулки маменька с папенькой, хватятся меня – быть беде, если узнают, куда ходил и зачем.

Николай долго смотрит на Ивана.

Говори же твою просьбу, Николай Федосеич! Ради бога, скорей говори! Я ведь помочь тебе очень хочу, да времени у меня нет. Маменька вдруг вернётся, пропало тогда наше дело.

Н и к о л а й (*встаёт, тоже заторопился*). Спасибо на добром слове, барин мой ласковый. А просьба моя такова-с. (*Говорит ласково, просительно*.)

Ненароком бы упросили вы маменьку, Варвару Петровну, – хочу, мол, маменька, чтобы срисовал мне Николка-маляр перво-наперво пруд наш, и дом, и беседки в саду, да сделал бы Николка какую-нибудь композицию, и не акварелью, а маслом... (*Вздохнул*.)

Ах, вот моя просьба. Какое было бы для меня это счастье, Иван Сергеич! Воскрес бы я, право, воскрес!

Иван идёт к выходу, вслед за ним Николай, что-то про себя говорят, Иван уходит. Николай возвращается к своему мольберту. Сматривает, садится на лавку, задумался. На авансцену выходят Иван и Варвара Петровна, беседуя.

Она недовольна, жестами изображает недовольство. Варвара Петровна останавливается, оглядывает сына с ног до головы с недовольством.

В а р в а р а П е т р о в н а (*недовольно*). Не понимаю, о чём ты хлопочешь, Жан! К чему это Федосеичу малевать эти наши аллеи, дорожки, беседки! Смотрим на них вживе, а картинки – ну и зачем? Вот уж не понимаю!.. И чтоб маслом какой-нибудь жанр... ну зачем? Висит же у нас в столовой Николкина картина: старички едят арбуз. Приятная картина. Так и будет с него.

Властно, ходит по авансцене.

Нет, нет! Пусть лучше рисует мои тюльпаны! Впрочем, уж если тебе так хочется, Жан, прикажи ему приготовить для детской ширму.

Да чтоб пустил по ширме цветы разные!.. (жестом показывает). Ну, вот и всё. Ступай!

Варвара Петровна подходит к Николаю, что-то строго наказывает и уходит. Николай собирает мольберт и уходит в противоположную сторону. Сцена пуста. Пауза. Выходит Иван. Идёт.

Навстречу выбегает Лушка.

Л у ш к а (*с платком в руках, она бежала, в сарафане, очень взволнованна, бросается на колени, схватив руку Ивана, сквозь слёзы*). Барин, барин, родной вы наш, смилуйтесь! Ради всего святого смилуйтесь, барин Иван Сергеич!.. Ведь забывают же их, до смерти забывают... ради бога-с вступитесь! Ах, барин! Иван Сергеич!

И в а н (*ничего не понимая*). Да что такое, Лушка? Что случилось?

Она всхлипывает, он успокаивает, сilitся поднять Лушку с колен.

Ты погоди, погоди, Лушка... брось плакать-то, расскажи всё...

Л у ш к а (*плачет*). Бушуют барыня, маменька ваша, Варвара Петровна... бушуют из-за двух сорванных тюльпанов, любимых её тюльпанов... на клумбе... чёрного и жёлтого... Барыня в гневе... они приказали нещадно бить на конюшне садовников, а они старики ведь... забывают их...

И в а н (*успокаивает*). Ну погоди, Лушка, успокойся...

Л у ш к а (*перебивает его*). Нельзя, барин, погодить. Нельзя, миленький, никак нельзя погодить. (*Вскрикивает сильнее*) Ах, батюшки! Бить станут, бить... Приказано полсотни ударов дать... Конюхи сильные, забывают... старики же ведь они... Ах, боже мой, барин, идёмте-с, идёмте-с скорее...

И в а н (*всё поняв, волнуется*). Идём, Лушка, идём!.. Это ужасно!

Они поспешно уходят. Уже в момент их последних реплик появляются Варвара Петровна и дворецкий Семён, он испуган, идёт вслед за ней, крестится. Варвара Петровна в сильном гневе, жестами и голосом приказывает, повторяя несколько раз.

В а р в а р а **П е т р о в н а**. Я сказала... сто ударов! Сто! Полновесных сто ударов! И ты самолично веди счёт ударам...

Садится за стол, в гневе нервно перебирает янтарные чётки.

Семён подобострастно стоит перед ней.

Ты меня понял, Семён?

С е м ё н. Не извольте беспокоиться, Варвара Петровна-с! Слушаюсь, будет сделано-с, как изволили-с приказать-с.

Вбегает Иван, весь распалён от волнения..
Варвара Петровна неожиданно вскакивает.

Варвара Петровна (с угрозой). Это что такое?! (Семёну жестами) Иди, иди!

Семён, кланяясь, пятится задом к выходу, останавливается у выхода.

Это что такое, Жан? Вон отсюда! В детскую! Вон!..

В момент этих криков Иван пытается дважды вставить слово «Маменька», Варвара Петровна его не слышит.

Пошёл вон! Вон!

Иван (выходит на середину, высоким взволнованным голосом, звонко). Маменька, это тиранство, маменька, тиранство! (кричит высоким звенящим голосом.) Да будь они трижды прокляты, ваши тюльпаны, коли так... бить будут... Вам жаль тюльпаны, а людей не жаль!.. Всё, всё истопчу сейчас, всё уничтожу!

Ну бейте, бейте и меня, засеките и меня вместе с садовниками!.. Вы и Николку Федосеева с ума свели вашими тюльпанами! Всё уничтожу! Все из клумбы вырву! Все до единого! (Плачет).

Варвара Петровна в растерянности садится и встаёт во время этих криков сына. С последними словами Ивана она вздрогнула и сильно ударила кулаком по столу. Что-то зазвенело на столе, упало на пол.

Варвара Петровна (в гневе, приказным тоном). Семён! (он подходит ближе, дрожит). Николку Федосеева, художника, приказываю – сейчас на конюшню, бить батогами!

Ходит нервно.

Иван (в крике и плаче). Маменька!..

Варвара Петровна (гневно). А ты молчи! (Семёну)

Всыпать этому холопу Николке Федосееву, чтобы закаялся жаловаться! (ещё громче кричит) И на скотный двор его! С глаз долой! В свинари! В свинари его! (Семёну) Пошёл вон!

Семён уходит, шепча что-то, крестится.

Подходит ближе к Ивану, медленно, назидательно говорит.

А тебе, сударь мой, Иван Сергеич, тебе ещё раз приказываю: вон отсюда не мешкая!

Подходит близко и с размаху бьёт по щеке. Иван бросается бежать, останавливается на авансцене, почти плача бормочет вслух, лихорадочно повторяет слова: маменька... маменька...

И в а н (сильно взволнован, поражён поведением матери, мечется).
Бежать, бежать отсюда... К дяденьке, в Юшково, вот куда... бежать. Да поскорей бы только...

Закрывает лицо руками и плачет, мечется из стороны в сторону, потом, опервшись на правый портал сцены, стоит, рыдая. В это время Варвара Петровна сидит за столом, обхватив голову руками, затем внезапно встаёт, хватает блюдо со стола, с силой бьёт о пол.

Сразу начинает звучать грустная народная песня девушек.

Матушка родимая
На горе родила.
Худым меня счастьем,
Счастьем наградила.

В а р в а р а П е т р о в н а (кричит одновременно на фоне музыки).
Семён! Семён!

Семён появляется, Варвара Петровна знаками что-то приказывает ему.

С момента, как только Варвара Петровна разбила тарелку, Иван, отойдя от портала, смотрит на происходящее на сцене как бы со стороны, наблюдая, и говорит слова: маменька... маменька...

В этот момент все исполнители выходят на авансцену, выстраиваются, кланяются.

В е д у щ и й спектакль: Вы смотрели спектакль нашего школьного театра по повести Юрия Александровича Гаецкого «Ранние метели» о жизни Ивана Сергеевича Тургенева. Инсценировка по первой главе повести написана ставропольским учителем русского языка Александром Андреевичем Цоколовым. Роли исполняли: (*называет роли и фамилии исполнителей*).

Ася

Инсценировка 9-й главы повести И.С. Тургенева «Ася»

Действующие лица:

Ася.

Дмитрий.

Идут, гуляя, Ася и молодой человек. Они оживлены, улыбаются, смеются, особенно весела и энергична Ася. Во время разговора они перемещаются в разные места сцены, часто останавливаясь на авансцене.

Ася. И вам не скучно было без нас?

Дмитрий. А вам без меня было скучно?

Ася. Да... Хорошо в горах? Они высоки? Выше облаков? Расскажите мне, что вы видели? Вы рассказывали брату, но я ничего не слыхала.

Дмитрий. Вольно же вам было уходить.

Ася. Я уходила... потому что... Я теперь вот не уйду. Вы сегодня были сердиты.

Дмитрий. Я? Отчего же, помилуйте...

Ася. Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мне было очень досадно, что вы так ушли, и я рада, что вы вернулись.

Дмитрий. И я рад, что вернулся.

Ася. О, я умею отгадывать! Бывало, я по одному папашину кашлю из другой комнаты узнавала, доволен ли он мной или нет.

Дмитрий. Вы любили вашего батюшку?

Молчание.

А с я. Что же вы не рассказываете?

Д м и т р и й. Отчего вы сегодня рассмеялись, как только увидели меня?

А с я. Сама не знаю. Иногда мне хочется плакать, а я смеюсь. Вы не судите меня... по тому, что я делаю. Ах, кстати, что это за сказка о Лорелее? (*Смотрят вдаль, Ася указывает.*) Ведь это её скала виднеется? Говорят, она прежде всех топила, а как полюбила, сама бросилась в воду. Мне нравится эта сказка. Фрау Луизе мне всякие сказки рассказывает. У фрау Луизе есть чёрный кот с жёлтыми глазами...

Небольшая пауза.

Ах, мне хорошо!..

Пауза.

Послушайте, меня мучит мысль, что вы считаете меня легкомысленной... Вы вперед всегда верьте тому, что я вам говорить буду, только и вы будьте со мной откровенны: а я вам всегда буду говорить правду, даю вам честное слово...

Дмитрий смотрит на Асю.

Вы думаете, я только смеяться умею?

Пауза. Вдали слышится пение, напоминающее молитву. Ася и Дмитрий смотрят вдаль.

Вот бы пойти с ними...

Д м и т р и й. Разве вы так набожны?

А с я (*мечтательно*). Пойти куда-нибудь далеко-далеко, на молитву, на трудный подвиг. А то ведь дни уходят, жизнь уйдёт, а что мы сделали?

Д м и т р и й. Вы честолюбивы. Вы хотите прожить не даром, след за собой оставить...

А с я. А разве это невозможно?

Д м и т р и й. Попытайтесь.

Небольшая пауза.

А с я. Скажите, вам очень нравилась та дама... Вы помните, брат пил за ее здоровье в развалине, на второй день нашего знакомства?

Д м и т р и й (*смеётся*). Ваш брат шутил; мне ни одна дама не нравилась; по крайней мере теперь ни одна не нравится.

А с я (*с любопытством*). А что вам нравится в женщинах?

Д м и т р и й. Какой странный вопрос!

А с я. Я не должна была сделать вам такой вопрос, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать всё, что мне в голову входит. От этого-то я и боюсь говорить.

Д м и т р и й. Говорите, ради бога, не бойтесь. Я так рад, что вы, наконец, перестаёте дичиться.

А с я (*улыбается, тихо*). Ну, рассказывайте же... рассказывайте или прочтите что-нибудь, помните, вы читали нам из «Онегина»... (*задумывается*)

А я хотела бы быть Татьяной, как в «Онегине» (*С живостью.*) Рассказывайте...

Д м и т р и й. Посмотрите, как хорошо!

А с я. Да, хорошо! Если бы мы с вами были птицы, – как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве неба... Но мы не птицы.

Д м и т р и й. А крылья могут и у нас вырасти.

А с я. Как так?

Д м и т р и й (*несколько загадочно*). Поживёте – узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

А с я. А у вас были?

Д м и т р и й. Как вам сказать... кажется, до сих пор я *ещё не летал*.

А с я (*задумалась*). А вы умеете вальсировать?

Д м и т р и й. Умею.

А с я (*радостно*). Так пойдёмте же, пойдёмте... Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья...

*Кружится в вальсе, увлекая за собой Дмитрия,
он немного подыгрывает своими движениями, они уходят, весёлые.*

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ. ШКОЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ КОНКУРСОВ «200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.С. ТУРГЕНЕВА»

Литературные концерты, конкурсы изложений,
диктантов и выразительного чтения на сцене

*Картины родной природы
в произведениях И.С. Тургенева*

Прекрасны описания природы в произведениях И.С. Тургенева. Приводимые в этом разделе отрывки полезно использовать для разнообразных классных диктантов с последующим подробным методически правильным анализом ошибок, а также для заучивания наизусть и обучения школьников выразительному чтению; полезно предлагать учащимся делать наблюдения за выразительными средствами и богатством языка И.С. Тургенева.

Отрывки из рассказа «Бежин луг»

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода устанавливается надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнистое, не раскаленное,

как во времена знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное – мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, – и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило.

Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не ярки; на всём лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силён, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает на-копившийся зной, и вихри-круговороты – несомненный признак постоянной погоды – высокими столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

...Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечернимиарами отовсюду поднималась и даже с высоты лилась темнота.

...Всё кругом быстро чернело и утихало, – одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону.

...Поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть, но то уже была синева ночи. Звёздочки замелькали, зашевелились на нём.

...Месяц взошёл наконец; я его тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была всё так же великолепна, как прежде... Но уже склонились к тёмному краю земли многие звёзды, ещё недавно высоко стоявшие на небе; всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, предрассветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, – в нём снова как будто разливалась сырость... Недолгие летние ночи!

...Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро зачиналось. Ещё нигде не румянилась заря, но уже забелелось на восстоке. Всё стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звёзды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёй.

...Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обагрённым кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редеющего тумана, – полились сперва алыё, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света...

...Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принеслись звуки колокола...

Отрывки из рассказа «Ермолай и мельничиха»

...Солнце село, но в лесу ещё светло; воздух чист и прозрачен; птицы болтливо лепечут; молодая трава блестит весёлым блеском изумруда... Вы ждёте. Внутренность леса постепенно темнеет; алый свет вечерней зари медленно скользит по корням и стволам деревьев, поднимается всё выше и выше, переходит от нижних, почти ещё голых, веток к неподвижным, засыпающим верхушкам... Вот и самые верхушки потускнели; румяное небо синеет. Лесной запах усилива-

ется, слегка повеяло тёплой сыростью; влетевший ветер около вас замирает. Птицы засыпают – не все вдруг – по породам: вот затихли зяблики, через несколько мгновений малиновки, за ними овсянки. В лесу всё темней да темней. Деревья сливаются в большие чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые звёздочки. Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятлы одни ещё сонливо посвистывают... Вот и они умолкли. Ещё раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щёлкнул в первый раз.

Отрывки из рассказа «Свидание»

Я сидел в берёзовой роще осенью, около половины сентября. С самого утра перепадал мелкий дождик, сменяемый по временам тёплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то всё заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновенье, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз. Я сидел и глядел кругом, и слушал. Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не весёлый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце или закрывалось облаком; она то озарялась вся, словно в ней всё улыбнулось: тонкие стволы не слишком частых берёз внезапно принимали нежный отблеск белого щёлка, лежавшие на земле мелкие листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом, а красивые стебли высоких кудрявых папоротников, уже окрашенных в свой осенний цвет, подобный цвету переспелого винограда, так и сквозили, бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами; то вдруг опять всё кругом слегка синело: яркие краски мгновенно гасли, берёзы стояли все белые, без блеску, белые, как только что выпавший снег, до которого ещё не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца; и украдкой, лукаво, начинал сеяться и шептать по лессу мельчайший дождь. Листья на берёзах была ещё почти вся зелена, хотя заметно побледнела; лишь кое-где стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видеть, как она ярко вспыхивала на солнце, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрея,

сквозь частую сетку тонких веток, только что смытых сверкающим дождём. Ни одной птицы не было слышно: все приютились и замолкли; лишь изредка звенел стальным колокольчиком насмешливый голосок синицы...

Отрывки из рассказа «Касьян с Красивой Мечи»

...Погода была прекрасная, ещё прекраснее, чем прежде; но жара всё не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокие и редкие облака, изжелта-белые, как весенний запоздалый снег, плоские и продолговатые, как опустившиеся паруса. Их узорчатые края, пушистые и лёгкие, как хлопчатая бумага, медленно, но видимо изменялись с каждым мгновением; они таяли, эти облака, и от них не падало тени... Молодые отпрыски, ещё не успевшие вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими, гладкими стебельками почерневшие, низкие пни; круглые губчатые наросты с серыми каймами, те самые наросты, из которых вываривают трут, лепились к этим пням; земляника пускала по ним свои розовые усики; грибы тут же тесно сидели семьями. Ноги беспрестанно путались и цеплялись в длинной траве, пресыщенной горячим солнцем; всюду рябило в глазах от резкого металлического сверкания молодых, красноватых листьев на деревцах; всюду пестрели голубые гроздья журавлинного гороху, золотые чашечки куриной слепоты, наполовину лиловые, наполовину жёлтые цветы Ивана-да-Марии; кое-где, возле заброшенных дорожек, на которых следы колёс обозначались полосами красной мелкой травки, возвышались кучки дров, потемневших от ветра и дождя, сложенные саженями; слабая тень падала от них косыми четверугольниками, – другой тени не было нигде. Лёгкий ветерок то просыпался, то утихал: подует вдруг прямо в лицо и как будто разыграется, – всё весело зашумит, закивает и задвижется кругом, грациозно закачаются гибкие концы папоротников, – обрадуешься ему... но вот уж он опять замер, и всё опять стихло. Одни кузнечики дружно трещат, словно озлобленные, – и утомителен этот непрестанный, кислый и сухой звук. Он идёт к неотступному жару полудня; он словно рождён им, словно вызван им из раскалённой земли.

Отрывки из романа «Отецы и дети»

Поля, всё поля, тянулись вплоть до самого небосклона, то слегка вздымаясь, то опускаясь снова; кое-где виднелись небольшие леса, и, усеянные редким и низким кустарником, вились овраги, напоминая

глазу их собственное изображение на старинных планах екатерининского времени. Попадались и речки с обрытыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низкими избёнками под тёмными, часто до половины размётанными крышами, и покривившиеся молотильные сарайчики с плетёными из хвороста стенами и зевающими воротищами возле опустелых гумен, и церкви, то кирпичные с отвалившимися кое-где штукатуркой, то деревянные с наклонившимися крестами и разорёнными кладбищами. ...Как нарочно, мужички встречались все обтрёханные, на плохих клячонках; как нищие в лохмотьях, стояли придорожные ракиты с ободранною корой и обломанными ветвями...

...Весна брала своё. Всё кругом золотисто зеленело, всё широко и мягко волновалось и лоснилось под тихим дыханием тёплого ветерка, всё – деревья, кусты и травы; повсюду нескончаемыми звонкими струйками заливались жаворонки; чибисы то кричали, виясь над низменными лугами, то молча перебегали по кочкам; красиво чернея в нежной зелени ещё низких яровых хлебов, гуляли грачи; они пропадали во ржи, уже слегка побелевшей, лишь изредка выкazyвались их головы в дымчатых её волнах.

...Уже вечерело; солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую в полуверсте от сада: тень от неё без конца тянулась через неподвижные поля. ...Солнечные лучи с своей стороны забирались в рощу и, пробираясь сквозь чащу, обливали стволы таким тёплым светом, что они становились похожи на стволы сосен, а листва их почти синела, и над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарёй. Ласточки летали высоко; ветер совсем замер; запоздальные пчёлы лениво и сонливо жужжали в цветах сирени; мошки толклись столбом над одинокою, далеко протянутою веткою.

Отрывки из романа «Рудин»

Было тихое летнее утро. Солнце уже довольно высоко стояло на чистом небе; но поля ещё блестели росой, из недавно проснувшихся долин веяло душистой свежестью, и в лесу, ещё сырому и не шумном, весело распевали ранние птички. На вершине пологого холма, сверху донизу покрытого только что зацветшою рожью, виднелась небольшая деревенька. К этой деревеньке, по узкой просёлочной дорожке, шла молодая женщина, в белом кисейном платке, круглой соломенной шляпе и с зонтиком в руке.

...Кругом, по высокой зыбкой ржи, переливаясь то серебристо-зелёной, то красноватой рябью, с мягким шелестом бежали длинные волны; в вышине звенели жаворонки.

...День был жаркий, светлый, лучезарный день, несмотря на перепадавшие дожди. По ясному небу плавно неслись, не закрывая солнца, низкие, дымчатые тучи и по временам роняли на поля обильные потоки внезапного и мгновенного ливня. Крупные, сверкающие капли сыпались быстро, с каким-то сухим шумом, точно алмазы; солнце играло сквозь их мелькающую сетку; трава, ещё недавно взволнованная ветром, не шевелилась, жадно поглощая влагу; орошённые деревья томно трепетали всеми своими листочками; птицы не переставали петь, и отрадно было слушать их болтливое щебетанье при свежем гуле и ропоте пробегавшего дождя. Пыльные дороги дымились и слегка пестрели под резкими ударами частых брызг. Но вот тучка пронеслась, запорхал ветерок, изумрудом и золотом начала переливать трава... Прилипая друг к дружке, засквозили листья деревьев... Сильный запах поднялся отовсюду...

...В далёкой и бледной глубине неба только что проступали звёздочки; на западе ещё алело – там и небосклон казался ясней и чище; полукруг луны блестел золотом сквозь чёрную сетку плакучей берёзы. Другие деревья либо стояли угрюмыми великанами, с тысячью просветов, наподобие глаз, либо сливались в сплошные мрачные громады. Ни один листок не шевелился; верхние ветки сиреней и акаций как будто прислушивались к чему-то и вытягивались в тёплом воздухе. Дом темнел вблизи; пятнами красноватого света рисовались на нём освещённые длинные окна. Кроток и тих был вечер; но сдержанный, страстный вздох чувствовался в этой тишине.

Отрывки из романа «Дворянское гнездо»

Весенний, светлый день клонился к вечеру, небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе и, казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури.

Между тем, вечер наступал...

...Вечер стоял тёплый и тихий, и окна с обеих сторон были опущены... Заря исчезла; наступила ночь, а воздух даже потепел.

...Обаяние летней ночи охватило его; всё вокруг казалось так неожиданно странно и в то же время так давно и так сладко знакомо; вблизи и вдали,— а далеко было видно, хотя глаз многого не понимал из того, что видел,— всё покоилось; молодая расцветающая жизнь сказывалась в самом этом покое. Лошадь Лаврецкого бодро шла, мерно раскачиваясь направо и налево; большая чёрная тень её шла с ней рядом; было что-то таинственно приятное в топоте её копыт, что-то весёлое и чудное в гремящем крике перепёлок. Звёзды исчезали в каком-то светлом дыме; неполный месяц блестел твёрдым блеском: свет его разливался голубым потоком по небу и падал пятном дымчатого золота на проходившие близко тонкие тучки; свежесть воздуха вызывала лёгкую влажность на глаза, ласково охватывала все члены, лилась вольною струёю в грудь. Лаврецкий наслаждался и радовался своему наслаждению.

Отрывки из романа «Накануне»

Ночь была тепла и как-то безмолвна: точно всё кругом прислушивалось и караулило; и Берсенев, охваченный неподвижною мглою, невольно останавливался и тоже прислушивался и караулил. Лёгкий шорох, подобный шелесту женского платья, поднимался по временным в верхушках близких деревьев и возбуждал в Берсеневе ощущение сладкое и жуткое, ощущение полустраха. ...Резкий ветерок набежал на него сбоку: он чуть-чуть вздрогнул и замер на месте; сонный жук свалился с ветки и стукнулся о дорогу....

...Заря уже занималась в небе. ...Солнце ещё не вставало, но уже заиграл холодок, седая роса покрыла травы, и первые жаворонки звенели высоко-высоко в полусумрачной воздушной бездне, откуда, как одинокий глаз, смотрела крупная последняя звезда.

Кто не видал Венеции в апреле, тому едва ли знакома вся несказанная прелесть этого волшебного города. Кротость и мягкость весны идут к Венеции, как яркое солнце лета к великолепной Генуе, как золото и пурпур осени к великому старцу — Риму. Подобно весне, красота Венеции и трогает и пробуждает желания; она томит и дразнит неопытное сердце... Всё в ней светло, понятно, и всё обвеяно дремотною дымкой какой-то влюблённой тишины: всё в ней молчит, и всё приветно; всё в ней женственно, начиная с самого имени: недаром ей одной дано название Прекрасной.

Стихи И.С. Тургенева¹

В юношеские и молодые годы Иван Сергеевич Тургенев писал стихи. Уже два века в памяти нашего народа и среди культурной аудитории за рубежами нашей страны сохраняются прекрасные стихи «Утро туманное, утро седое». У них есть и второе название: «В дороге». Композитор XIX века, современник Ивана Сергеевича Тургенева, Абаза Эраст Агеевич (1819–1855) написал музыку на эти стихи. Как музыкальное произведение, этот замечательный романс на слова Тургенева живёт и в наши дни. Мы любим стихи Тургенева и музыку композитора Э.А. Абазы. Два века они доставляют людям эстетическое наслаждение.

Другие стихи И.С. Тургенева так же проникновенны, как и стихи «Утро туманное, утро седое...». В поэтических строках всех стихов мы слышим голос молодого Тургенева: он тонко чувствует, обращается к своим воспоминаниям, к своему сердцу, к дорогим и любимым людям. Голос писателя в стихах и грустный, и радостный, и восторгающийся, и страдающий. Всё так же, как бывает в нашей жизни, в годы юности и молодости.

(В дороге)

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

¹ Избранное. Изд. «Современник», Москва, 1981 г.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далёкое,
Слушая ропот колёс непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

1843 г.

* * *

Брожу над озером... туманны
Вершины круглые холмов,
Темнеет лес, и звучно-странны
Ночные клики рыбаков.

Полна прозрачной, ровной тенью
Небес немая глубина...
И дышит холодом и ленью.
Полузаснувшая волна.

Настала ночь; за ярким, знойным,
О сердце! за тревожным днём, –
Когда же ты заснёшь спокойным,
Пожалуй, хоть последним сном.

1844 г.

* * *

Через поля к холмам тенистым
Промчался ливень... Небо вдруг
Светлеет... Блеском водянистым
Блестит зелёный, ровный луг.
Гроза прошла... Как небо ясно!
Как воздух звучен и душист!
Как отдыхает сладострастно
На каждой ветке каждый лист!
Оглашено вечерним звоном
Раздолье мирное полей...
Пойдём гулять в лесу зелёном,
Пойдём, сестра души моей.
Пойдем, о ты, мой друг единый,
Любовь последняя моя,
Пойдём излучистой долиной
В немые, светлые поля.

И там, где жатва золотая
Легла волнистой полосой,
Когда заря взойдёт, пылая,
Над успокоенной землёй, –
Позволь сидеть мне молчаливо
У ног возлюбленных твоих...
Позволь руке твоей стыдливо
Коснуться робких губ моих...

1844 г.

* * *

Дай мне руку, и пойдём мы в поле,
Друг души задумчивой моей...
Наша жизнь сегодня в нашей воле,
Дорожишь ты жизнью своей?
Если нет, мы этот день погубим,
Этот день мы вычеркнем шутя.
Всё, о чём томились мы, что любим, –
Позабудем до другого дня...
Пусть над жизнью пёстрой и тревожной
Этот день, не возвращаясь вновь,
Пролетит, как над толпой безбожной
Детская, смиренная любовь...
Светлый пар клубится над рекою,
И заря торжественно зажглась.
Ах, сойтись бы я хотел с тобою,
Как сошлись с тобой мы в первый раз.
«Но к чему, не снова ли былое
Повторять?» – мне отвечаешь ты.
Позабудь всё тяжкое, всё злое,
Позабудь, что расставались мы.
Верь: смущён и тронут я глубоко,
И к тебе стремится вся душа
Жадно так, как никогда потока
В озеро не просится волна...
Посмотри... как небо дивно блещет,
Наглядись, а там кругом взгляни.
Ничего напрасно не трепещет,
Благодать покоя и любви...
И в себе присутствие святыни

Признаю, хоть недостоин ей.
Нет стыда, ни страха, ни гордыни.
Даже грусти нет в душе моей...
О, пойдём, и будем ли безмолвны,
Говорить ли станем мы с тобой,
Зашумят ли страсти, словно волны,
Иль уснут, как тучи под луной, –
Знаю я, великие мгновенья,
Вечные с тобой мы проживём.
Этот день, быть может, – день спасенья,
Может быть, друг друга мы поймём.

1842 г.

Весенний вечер

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землёй;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчit во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветр в листах осины
Трепещет пойманым крылом.

Молчит и млеет лес высокий,
Зелёный, тёмный лес молчит.
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские годы.

1843 г.

* * *

Когда с тобой расстался я –
Я не хочу таить,
Что я тогда любил тебя,
Как только мог любить.

Но нашей встрече я не рад.
Упорно я молчу –
И твой глубокий, грустный взгляд
Понять я не хочу.

И всё толкуешь ты со мной
О милой стороне.
Но то блаженство, боже мой,
Теперь так чуждо мне!

Поверь: с тех пор я много жил,
И много перенёс...
И много радостей забыл,
И много глупых слёз.

1843 г.

Деревня (отрывок)

Люблю я вечером к деревне подъезжать,
Над старой церковью глазами провожать
Ворон играющую стаю;
Среди больших полей, заповедных лугов,
На тихих берегах заливов и прудов,
Люблю прислушиваться лаю

Собак недремлющих, мычанью тяжких стад,
Люблю заброшенный и запустелый сад
И лип незыблевые тени;
Не дрогнет воздуха стеклянная волна;
Стоишь и слушаешь – и грудь упоена
Блаженством безмятежной лени...

Задумчиво глядишь на лица мужиков –
И понимаешь их; предаться сам готов
Их бедному, простому быту...
Идёт к колодезю старуха за водой;
Высокий шест скрипит и гнётся; чередой
Подходят лошади к корыту...

Вот песню затянул проезжий... Грустный звук!
Но лихо вскрикнул он – и только слышен стук
Колёс его телеги тряской;
Выходит девушка на низкое крыльцо –
И на зарю глядит... и круглое лицо
Зарделось алой, яркой краской.

Качаясь медленно, с пригорка, за селом,
Огромные возы спускаются гуськом
С пахучей данью пышной нивы;
За конопляником, зелёным и густым,
Бегут, одетые туманом голубым,
Степей широкие разливы.

Та степь – конца ей нет... раскинулась, лежит...
Струистый ветерок бежит, не пробежит...
Земля томится, небо млеет...
И леса длинного подёрнутся бока
Багрянцем золотым, и ропщет он слегка,
И утихают, и синеет...

1846 г.

* * *

Откуда веет тишиной?
Откуда мчится зов?
Что дышит на меня весной
И запахом лугов?
Чего тебе, душа моя,
Внезапно стало жаль -
Скажи: какую вспомнил я
Любимую печаль?

Но всё былое, боже мой,
Так бедно, так темно...
И то, над чем я плакал, – мной
Осмеяно давно.
Невежда сам, среди других
Забывчивых невежд,
Любуюсь гибелью моих
Восторженных надежд.

Но всё же тих и тронут я –
С души сбежала тень,
Как будто тоже для меня
Настал волшебный день,
Когда на дереве нагом,
И сочен и душист,
Согретый ласковым лучом,
Растёт весенний лист...

Как будто сердцем я воскрес
И волю дал слезам,
И, задыхаясь, в тёмный лес
Бегу по вечерам...
Как будто я люблю, любим,
Как будто ночь близка...
И тополь под окном одним
Киваёт мне слегка...

1844 г.

Русский

Вы говорили мне, что мы должны расстаться,
Что свет нас осудил, что нет надежды нам;
Что грустно вам, что должен я стараться
Забыть вас, – вечер был; по бледным облакам
Плыл месяц; тонкий пар лежал над спящим садом;
Я слушал вас, и всё не понимал:
Под веяньем весны, под вашим светлым взглядом –
Зачем я так страдал?

Я понял вас; вы правы – вы свободны;
Покорный вам, иду – но как идти,
Идти без слов, отдав поклон холодный,
Когда нет мер томлениям души?
Сказать ли, что люблю я вас... не знаю;
Минувшего мне тем не возвратить;
От жизни я любовь не отделяю –
Не мог я не любить.

Но неужель всё кончено – меж нами,
Как будто не бывало милых уз!

Как будто не сливались мы сердцами –
И так легко расторгнуть наш союз!
Я вас любил... меня вы не любили –
Нет! Нет! Не говорите да! – Меня
Улыбками, словами вы *дали*,
Вам душу предал я.

Идти – брести среди толпы мне чуждой
И снова жить, как все живут; а там
Толпа забот – обязанности, нужды, –
Вседневной жизни безотрадный хлам.
Покинуть мир восторгов и видений,
Прекрасное, святое сердцем понимать
Не в силах быть – и новых откровений
Больной душе напрасно ждать –

Вот что осталось мне – но клясться не хочу я,
Что никогда не буду знать любви;
Быть может, вновь – безумно полюблю я,
Всей жаждой неотвеченной души.
Быть может, так; но мир очарований,
Но божество, и прелесть, и любовь –
Расцвет души и глубина страданий –
Не возвратятся вновь.

Пора! иду – но прежде дайте руки –
И вот конец и цель любви моей!
Вот этот час – вот этот миг разлуки...
Последний миг – и ряд бесцветных дней.
И снова сон, и снова грустный холод...
О мой творец! не дай мне позабыть,
Что жизнь сильна, что всё ещё я молод,
Что я могу любить!

1840 г.

Цветок

Тебе случалось – в роще тёмной,
В траве весенней, молодой,
Найти цветок простой и скромный?
(Ты был один – в стране чужой.)

Он ждал тебя – в траве росистой
Он одиноко расцветал...
И для тебя свой запах чистый,
Свой первый запах сберегал.

И ты срываешь стебель зыбкий.
В петлицу бережной рукой
Вдеваешь, с медленной улыбкой,
Цветок, погубленный тобой.

И вот, идёшь дорогой пыльной;
Кругом – всё поле сожжено,
Струится с неба жар обильный,
А твой цветок завял давно.

Он вырастал в тени спокойно,
Питался утренним дождём
И был заеден пылью знойной,
Спалён полуденным лучом.

Так что ж? напрасно сожаленье!
Знать, он был создан для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
В соседстве сердца твоего.

1843 г.

* * *

К чему твержу я стих унылый,
Зачем, в полночной тишине,
Тот голос страшный, голос милый
Летит и просится ко мне, –

Зачем? огонь немых страданий
В её душе зажёг не я...
В её груди, в тоске рыданий
Тот стон звучал не для меня.

Так для чего же так безумно
Душа бежит к её ногам,
Как волны моря мчатся шумно
К недостижимым берегам?

1843 г.

Стихотворения в прозе И. С. Тургенева

Русский язык

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Июнь, 1882

Воробей

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуя перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крыльшки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой – и весь взъерошенный,искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса – и удалился, благоговея. Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрель, 1878

Роза

Последние дни августа... Осень уже наступала.

Солнце садилось. Внезапный порывистый ливень, без грому и без молний, только что промчался над нашей широкой равниной.

Сад перед домом горел и дымился, весь залитый пожаром зари и потопом дождя.

Она сидела за столом в гостиной и с упорной задумчивостью глядела в сад сквозь полураскрытую дверь.

Я знал, что свершалось тогда в её душе; я знал, что после недолгой, хоть и мучительной борьбы, она в этот самый миг отдавалась чувству, с которым уже не могла более сладить.

Вдруг она поднялась, проворно вышла в сад и скрылась.

Пробил час... пробил другой; она не возвращалась.

Тогда я встал и, выйдя из дому, отправился по аллее, по которой – я в том не сомневался – пошла и она.

Всё потемнело вокруг; ночь уже надвинулась. Но на сырому песку дорожки, ярко алея даже сквозь разлитую мглу, виднелся кругловой предмет.

Я наклонился... То была молодая, чуть распустившаяся роза. Два часа тому назад я видел эту самую розу на её груди.

Я бережно поднял упавший в грязь цветок и, вернувшись в гостиную, положил его на стол, перед ее креслом.

Вот и она вернулась наконец – и, легкими шагами пройдя всю комнату, села за стол.

Её лицо и побледнело и ожило; быстро, с весёлым смущеньем бегали по сторонам опущенные, как бы уменьшенные глаза.

Она увидала розу, схватила её, взглянула на её измятые, запачканые лепестки, взглянула на меня – и глаза её, внезапно остановившись, засияли слезами.

– О чём вы плачете? – спросил я.

– Да вот об этой розе. Посмотрите, что с ней стало.

Тут я вздумал выказать глубокомыслие.

– Ваши слёзы смоют эту грязь, – промолвил я с значительным выражением.

– Слёзы не моют, слёзы жгут, – отвечала она и, обернувшись к камину, бросила цветок в умиравшее пламя.

– Огонь сожжёт ещё лучше слёз, – воскликнула она не без удали, – и прекрасные глаза, ещё блестевшие от слез, засмеялись дерзостно и счастливо.

Я понял, что и она была сожжена.

Апрель, 1878

Голуби (в сокращении)

Я стоял на вершине пологого холма; передо мной – то золотым, то посеребрённым морем – раскинулась и пестрела спелая рожь.

Но не бегало зыби по этому морю; не струился душный воздух: назревала гроза великая.

Около меня солнце ещё светило... Но там, за рожью, тёмно-синяя туча лежала грузной громадой на целой половине небосклона.

Всё притаилось... всё изнывало под зловещим блеском последних солнечных лучей. Не слыхать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробы...

Как сильно пахнет полынь на межах! Я глядел на синюю громаду... и смутно было на душе. «Ну скорей же, скорей! – думалось мне, – сверкни, золотая змейка, дрогни, гром! Двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливо томленье!»

Но туча не двигалась. Она по-прежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла и темнела.

И вот по одноцветной её синеве замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек... То летел со стороны деревни белый голубь.

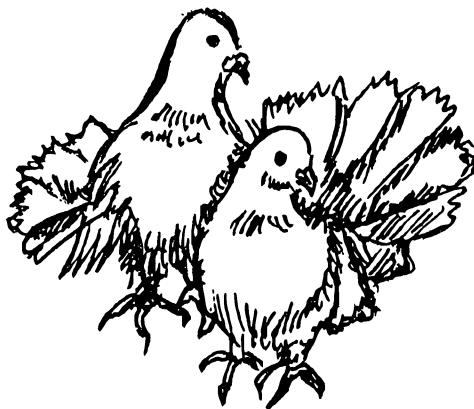
Летел, летел, всё прямо, прямо... и потонул за лесом.

Прошло несколько мгновений – та же стояла жестокая тиши... Но глядь! Уже два платка мелькают, два комочка несутся назад: то летят домой два белых голубя.

И вот, наконец, сорвалась буря – и пошла потеха! Я едва домой добежал. Визжит ветер, мечется как бешеный, мчатся рыжие, низкие, словно в клочья разорванные облака, всё закрутилось, смешалось, захлестал, закачался отвесными столбами рывяный ливень, молнии слепят огнистой зеленью, стреляет как из пушки отрывистый гром, запахло серой...

Но под навесом крыши, на самом краюшке слухового окна, рядом сидят два белых голубя – и тот, кто слетал за товарищем, и тот, кого он привёл и, может быть, спас.

Находились оба – и чувствуют каждый своим крылом крыло соседа...

Хорошо им! И мне хорошо, глядя на них... Хотя я и один... один, как всегда.

Май, 1879

Как хороши, как свежи были розы...

(в сокращении, на сцене читается на фоне музыки)

Где-то, когда-то, давным-давно тому назад, я прочёл одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти:

Как хороши, как свежи были розы...

Теперь зима; мороз запушил стёкла окон; в тёмной комнате горит одна свеча. Я сижу, забиввшись в угол, а в голове всё звенит и звенит:

Как хороши, как свежи были розы...

И вижу я себя перед низким окном загородного русского дома. Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в тёплом воздухе пахнет резедой и липой; а на окне, опервшись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка – и безмолвно и пристально смотрит на небо, как бы выжидая появления первых звёзд.

Как простодушно вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытие, вопрошающие губы... как чист и нежен облик юного лица! Я не дерзаю заговорить с нею, – но как она мне дорога, как бьётся моё сердце!

Как хороши, как свежи были розы...

А в комнате всё темней да темней. Нагоревшая свеча трещит, белые тени колеблются на низком потолке, мороз скрипит и злится за стеною – и чудится скучный, старческий шёпот...

Как хороши, как свежи были розы...

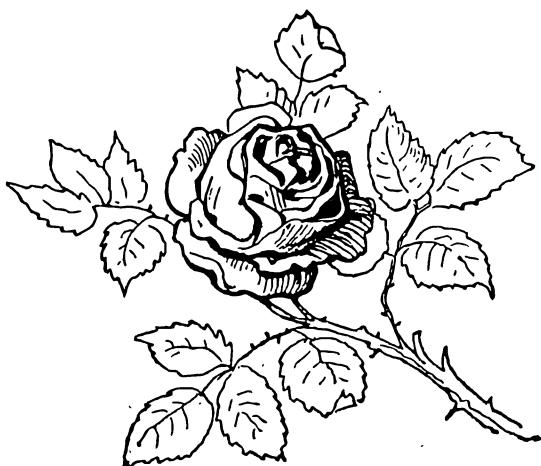
...Слышится весёлый шум семейной, деревенской жизни. Две русые головки, прислонясь друг к дружке, бойко смотрят на меня своими светлыми глазками, алые щёки трепещут сдержаным смехом... Звучат молодые, добрые голоса... В глубине уютной комнаты, другие, тоже молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино...

Как хороши, как свежи были розы...

Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жмётся и вздрагивает у ног моих старый пёс, мой единственный товарищ...

Как хороши, как свежи были розы...

Сентябрь, 1879

Для школьных викторин

«Жизнь и творчество Ивана Сергеевича Тургенева»

1. Назовите самое первое произведение И.С. Тургенева.

Ответ: Рассказ в стихах «Параща», написан в 1843 г.

2. И.С. Тургенев был арестован и выслан в село Спасское. Когда и почему?

Ответ: В 1852 г. в Москве И.С. Тургенев опубликовал некролог на смерть Н.В. Гоголя вопреки запрету цензуры; настоящей причиной ареста было недовольство правительства книгой «Записки охотника».

3. «Край родной долготерпенья – край ты русского народа». К кому своему рассказу Тургенев взял эти строки эпиграфом и кому они принадлежат?

Ответ: Слова поэта Фёдора Ивановича Тютчева Тургенев взял эпиграфом к рассказу «Живые монстры».

4. Как называется повесть, в которой ярко отражены черты и характер матери Тургенева – помещицы Варвары Петровны Лутовиновой?

Ответ: Повесть называется «Муму», в образе старой московской барыни.

5. При каких обстоятельствах была написана повесть «Муму»?

Ответ: И.С. Тургенев находился под арестом, в полицейской части для арестованных.

6. Критик Николай Александрович Добролюбов написал статью о романе «Накануне». Как называется эта статья?

Ответ: Статья называется «Когда же придёт настоящий день?»

7. Памяти какого известного русского литературного критика посвящён роман «Отцы и дети»?

Ответ: На первой странице романа «Отцы и дети» написано: «Посвящается памяти Виссариона Григорьевича Белинского».

8. Критик Дмитрий Иванович Писарев в двух критических статьях дал положительную характеристику главного героя романа «Отцы и дети» Базарова. Назовите эти статьи.

Ответ: Одна статья называется «Базаров», другая называется «Реалисты».

9. В романе Тургенева есть персонаж, который, будучи аристократом, на словах защищает крестьян, но когда ему случается говорить с ними, то он «морщится и нюхает одеколон». В каком романе и кто этот персонаж?

Ответ: Так Тургенев характеризует аристократа Павла Петровича Кирсанова в романе «Отцы и дети».

10. Кому в романе «Отцы и дети» Базаров даёт такую характеристику: «Ваш брат, дворянин, дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это пустяки... Ты славный малый; но ты всё-таки мякенький, либеральный барич...»

Ответ: Базаров так говорит своему молодому другу Аркадию Кирсанову в романе «Отцы и дети».

11. В одном произведении Тургенева у героя «на письменном столе... находится серебряная пепельница в виде мужицкого лаптя» как единственная связь его с родиной. Какое это произведение и кто герой?

Ответ: В романе «Отцы и дети» речь идёт об аристократе Павле Петровиче Кирсанове, в его годы жизни за границей.

12. Известно, что И.С. Тургенев признан большим мастером пейзажа. В одном из рассказов даётся описание приближающейся ночи: «Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечернимиарами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота... Побледневшее небо опять стало синеть, но то была уже синева ночи. Звёздочки замелькали, зашевелились на нём». Как называется этот рассказ?

Ответ: Рассказ называется «Бежин луг».

13. О ком так пишет Тургенев и в каком произведении: «...его привезли в Москву, купили ему сапоги, сшили кафтан на лето, на зиму тулу, дали ему в руки метлу и лопату и определили его дворником»?

Ответ: Повесть «Муму», о крепостном крестьянине глухонемом Герасиме.

14. Кто послужил прототипом образа Евгения Базарова в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»?

Ответ: По словам самого писателя, прототипом Евгения Базарова стал один из знакомых ему провинциальных врачей.

15. За границей Тургенев содействовал популяризации русских и украинских писателей. Назовите фамилии этих писателей.

Ответ: И.С. Тургенев содействовал распространению знаний о творчестве Пушкина, Гоголя, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Писемского, Островского, Марко Вовчок, Тараса Шевченко.

16. Назовите произведение, в котором есть такие строки: «Играйте, веселитесь; растите, молодые силы... жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придётся, как нам, отыскивать свою дорогу, падать и вставать среди мрака... вам надобно дело делать, работать, и благословение нашего брата, старика, будет с вами».

Ответ: Роман «Дворянское гнездо».

17. Назовите основных персонажей романа «Отцы и дети».

Ответ: Кирсанов Николай Петрович, Кирсанов Павел Петрович, Аркадий Кирсанов, Евгений Базаров, Базаров Василий Иванович, Фенечка, Авдотья Никитична Кукшина, помещица Анна Сергеевна Одинцова, её сестра Катя, Арина Васильевна Базарова.

18. Кто в романе «Отцы и дети» именуется (в кавычках) «эмансипированной женщиной»? Что означает это слово «эмансипация»?

Ответ: Латинское слово «эмансипация» значит освобождение от зависимости, уравнивание в правах. Это Авдотья Никитична Кукшина в романе «Отцы и дети» И.С. Тургенева изображала из себя такую якобы эмансипированную женщину.

19. О ком Тургенев пишет так: «Боевой генерал 1812 года, полуграмотный, грубый, не злой русский человек, всю жизнь свою тянул лямку, командовал сперва бригадой, потом дивизией и постоянно жил в провинции...»?

Ответ: Так Тургенев пишет об отце Николая Петровича Кирсанова.

20. О ком так пишет Тургенев: «Барин лет сорока с небольшим, в запылённом пальто и клетчатых панталонах... мы видим его в мае месяце 1859 года, уже совсем седого, пухленького и немного сгорбленного, он ждёт сына...»?

Ответ: Это Николай Петрович Кирсанов.

21. О ком так пишет Тургенев: «Человек высокого роста, в длинном балахоне с кистями... обнажённая красная рука... ленивый, но мужественный голос, лицо длинное и худое, с широким лбом...»?

Ответ: Это Евгений Васильевич Базаров.

22. О ком так пишет Тургенев: «Человек среднего роста, одетый в тёмный английский сюртук, модный низенький галстук и лаковые полусапожки... на вид ему было лет сорок пять: его коротко остриженные седые волосы отливали тёмным блеском, как новое серебро...»?

Ответ: Это Павел Петрович Кирсанов.

23. О ком так пишет Тургенев: «Это была молодая женщина лет двадцати трёх, вся беленькая и мягкая, с тёмными волосами и глазами, с красными, детски пухлявыми губками и нежными ручками. На ней было опрятное ситцевое платье; голубая новая косынка легко лежала на её круглых плечах»?

Ответ: Речь идёт о молодой женщине, которая служила в доме Николая Петровича Кирсанова. Её звали Фенечка.

24. О ком так пишет Тургенев: «На кожаном диване полулежала дама, ещё молодая, белокурая, несколько растрёпанная, в шёлковом, не совсем опрятном платье, с крупными браслетами на коротеньких руках, с кружевной косынкой на голове»?

Ответ: Это Кукшина Авдотья Никитична, роман «Отцы и дети».

25. О ком так пишет Тургенев: «Аркадий оглянулся и увидел женщину высокого роста, в чёрном платье, остановившуюся в дверях залы. Она поразила его достоинством своей осанки. Обнажённые её руки красиво лежали вдоль стройного стана; красиво падали с блестящих волос на покатые плечи лёгкие ветки фуксий...»?

Ответ: Помещица, Анна Сергеевна Одинцова, роман «Отцы и дети».

26. О ком так пишет Тургенев: «Девушка лет восемнадцати, черноволосая и смуглая, с несколько круглым, но приятным лицом, с небольшими тёмными глазами. Она держала в руках корзину, наполненную цветами»?

Ответ: Катя, сестра Анны Сергеевны Одинцовой, роман «Отцы и дети».

27. О ком так пишет Тургенев: «Высокий худощавый человек, с взъерошенными волосами и тонким орлиным носом, одетый в старый военный сюртук нараспашку. Он стоял, растопырив ноги, курил длинную трубку и щурился от солнца»?

Ответ: Василий Иванович Базаров, отец Евгения Базарова, роман «Отцы и дети».

28. О ком так пишет Тургенев: «Кругленькая, низенькая старушка в белом чепце и короткой пёстрой кофточке»?

Ответ: Арина Васильевна Базарова, мать Евгения Базарова, роман «Отцы и дети».

29. Кто из женщин романа «Отцы и дети» назвал Базарова «хищным», а Аркадия Кирсанова «ручным»?

Ответ: Катя, сестра Анны Сергеевны Одинцовой.

30. Кто и в каком произведении рассказывает о том, что около плотины водится леший и что однажды барашек, подобранный на могиле утопленника, вдруг заговорил человеческим голосом?

Ответ: Мальчик Илюша, в рассказе «Бежин луг».

31. В каком рассказе мальчик «без хворостинки в руке, ночью, ни- мало не колеблясь, поскакал один на волка»? Как зовут этого героя, сколько ему лет?

Ответ: Мальчик Павлуша, автор пишет, что ему не было и двенадцати лет; рассказ «Бежин луг».

32. Кто сказал о Тургеневе так: «Этот человек необыкновенно умный. Беседы и споры с ним отводили мне душу. Отрадно встретить человека, самобытное и характерное мнение которого... извлекает искры»?

Ответ: Это слова литературного критика XIX века Белинского Виссариона Григорьевича о молодом Тургеневе.

33. Кто сказал: «Он быстро угадывал новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание, и в своих произведениях обыкновенно обращал внимание на вопрос, стоящий на очереди и уже смутно начинавший волновать общество»?

Ответ: Литературный критик XIX века Добролюбов Николай Александрович в статье «Когда же придёт настоящий день».

34. «Тургенев сделал великое дело тем, что написал удивительные портреты женщин. Может быть, таких, как он писал, и не было, но когда он написал их, они появились. Это верно; я сам наблюдал потом тургеневских женщин в жизни.» Чьи это слова о Тургеневе?

Ответ: Это слова Льва Николаевича Толстого.

35. «Его очерки из жизни крепостных – это поэтическая обвинительная речь против крепостничества». Кто так сказал о Тургеневе?

Ответ: Так о Тургеневе отзывался русский общественный деятель и писатель Александр Иванович Герцен:

36. «Барин по рождению, аристократ по воспитанию и характеру, «постепеновец» по убеждениям, Тургенев, быть может, бессознательно для самого себя своим чутким, любящим сердцем сочувствовал и даже служил русской революции. Тургенев был честным провозвестником идеалов целого ряда молодых поколений, певцом их беспримерного, чисто русского идеализма... Для нас важно, что он служил русской революции сердечным смыслом своих произведений, что он любил революционную молодёжь». Каков источник этого высказывания о Тургеневе?

Ответ: Такой текст распространяли в Петербурге народовольцы в день похорон Тургенева.

37. Где и когда похоронен Иван Сергеевич Тургенев?

Ответ: На Волковском кладбище в Петербурге, в 1883 году.

38. Назовите все шесть романов Тургенева.

Ответ: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым», «Новь».

39. Назовите известные вам повести и поэмы И.С. Тургенева.

Ответ: И.С. Тургенев написал повести: «Андрей Колосов», «Помещик», «Бретёр», «Три портрета», «Петушков», «Дневник лишнего человека», «Яков Пасынков», «Переписка», «Фауст», «Ася», Первая любовь», «Бригадир», «Несчастная», «Степной король Лир», «Вешние воды».

40. Назовите известные мемориальные памятники и музеи, посвящённые И.С. Тургеневу.

Ответ: Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» в Орловской области.

41. Сколько рассказов включает книга И.С.Тургенева «Записки охотника»?

Ответ: Книга «Рассказы охотника» включает 25 рассказов.

42. Какой тургеневский образ из книги «Рассказы охотника» использовал В.И. Ленин в статье «Памяти графа Гейдена»?

Ответ: Образ помещика Пеночкина из рассказа «Бурмистр».

43. Назовите имена всех героев – мальчиков из рассказа «Бежин луг»?

Ответ: Федя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня.

44. В книге «Рассказы охотника» есть рассказ, который написан под влиянием дружбы с литературным критиком В.Г. Белинским. Какой это рассказ?

Ответ: Рассказ «Бурмистр».

45. Кто является прототипом Володи в повести «Первая любовь»?

Ответ: Прототипом является сам автор, И.С. Тургенев.

46. Встрече с каким поэтом посвящено стихотворение в прозе «Свидание»?

Ответ: Стихотворение посвящено последней встрече Тургенева с поэтом Николаем Алексеевичем Некрасовым в 1877 году.

47. У художника В.Г. Перова есть картина «На могиле сына». Какой эпизод из какого произведения Тургенева изобразил художник?

Ответ: Художник Василий Григорьевич Перов написал картину «На могиле сына» на мотив последней главы романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». У могилы своего сына стоят его родители.

48. Одно из стихотворений в прозе И.С. Тургенев назвал «Услышь суд глупца». В каком стихотворении, какого русского поэта XIX века есть эта строка?

Ответ: Это строка из стихотворения А.С. Пушкина «Памятник», она звучит так: «...хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспоривай глупца».

Для научнических сочинений: цитаты

1. «Красота – единственная бессмертная вещь... Я преимущественно реалист и более всего интересуюсь правдою людской...» (Тургенев И.С.).

2. «Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» (Тургенев И.С. Стихотворение в прозе «Воробей»).

3. «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё обойтись не может. Горе тому, кто это думает, вдвойне горе тому, кто действительно без неё обходится» (Тургенев И.С. Роман «Рудин»).

4. «Лучшая пора в жизни человека – его молодость потому, что тогда в нём зажигается и горит то «священное пламя», над которым смеются только те, в чьих сердцах оно либо погасло, либо никогда не вспыхивало» (Тургенев И.С.).

5. «Знайте, что без веры, без глубокой и сильной веры не стоит жить – гадко жить...» (Тургенев И.С.).

6. «В моих глазах враг этот... был – крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца – с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя «Аннибалова» клятва; и не я один дал её себе» (Тургенев И.С. «Литературные и житейские воспоминания»).

7. «Нет счастья вне Родины, каждый пускай корни в родную землю» (Тургенев И.С.).

8. «Гамлеты точно бесполезны массе; они её никуда вести не могут, потому что сами никуда не идут» (Тургенев И.С. Статья «Гамлет и Дон-Кихот»).

9. «Себялюбивый человек засыхает словно одинокое, бесплодное дерево... тот только заслуживает название человека, кто умеет овладеть своим самолюбием, как всадник конём, кто свою личность приносит в жертву общему благу» (Тургенев И.С. Роман «Рудин»).

10. «Скептицизм всегда отличался бесплодностью и бессилием; наша жизнь быстра и ничтожна; но всё великое совершается через людей» (Тургенев И.С. Роман «Рудин»).

11. «Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, – подумашь, сколько иностранных и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны» (Тургенев И.С. Роман «Отцы и дети»).

13. «Вся моя повесть направлена против дворянства как передового класса» (Тургенев И.С. Роман «Отцы и дети»).

14. «Как доказать вам, что я мог бы полюбить вас настоящей любовью – любовью сердца, не воображения, – когда я сам не знаю, способен ли я на такую любовь!» (Тургенев И.С. Роман «Рудин»).

15. «Обниму её тонкий и стройный ствол, и мне кажется, что я обнимаю всю природу, а сердце расширяется и млеет так, как будто действительно вся природа в него вливается» (Тургенев И.С. Роман «Рудин»).

16. «Жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение... жизнь – тяжёлый труд. Отречение, отречение постоянное – вот её тайный смысл; её разгадка, не исполнение любимых мыслей и мечтаний, как бы они возвышенны не были, – исполнение долга, вот о чём следует заботиться человеку; не наложив на себя цепей, железных цепей долга, не может он дойти, не падая, до конца своего поприща...» (Тургенев И.С. Рассказ «Фауст»).

17. «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в числе которых блистает Пушкин. Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!» (Тургенев И.С.).

18. «Гоголь умер! Какую русскую душу не потрясут эти два слова? Он умер... Да, он умер, этот человек, ...которого мы теперь имеем право – горькое право, данное нам смертью, – назвать великим; человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся, как одною из слав наших» (Тургенев И.С.).

19. «Мы, напротив, находим в языке, созданном Пушкиным, все условия живучести: русское творчество и русская восприимчивость

стройно слились в этом великолепном языке, и Пушкин сам был великолепный русский художник. Именно: русский! Самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка, эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы – все эти хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, но и тех из иноземцев, которым он стал доступен» (Тургенев И.С. «Речь по поводу открытия памятника А.С. Пушкину в Москве»).

20. «Да, всеми силами души моей, чем смогу, словом и делом, стихами, рассказами, – быть, нападать на чёрную силу, на врага моего – крепостное право. Вот в чём отныне мой долг, вот моя Аннибалова клятва! И если предам или забуду эту клятву и дрогнет моя рука, пусть предстанет тогда предо мною несчастная Лушка, её задушенная любовь, её поруганная юность. Пусть предстанут и укорят мою совесть все, кого ломает и косит беспощадная несправедливая русская жизнь!» (Тургенев И.С.).

21. «Поэзия – язык богов... она разлита везде, она вокруг нас... Взгляните на эти деревья, на это небо – отовсюду веет красотою и жизнью; а где красота и жизнь, там и поэзия» (Тургенев И.С. Роман «Рудин»).

Хронология жизни И.С. Тургенева

И.С. Тургенев родился 28 октября (9 ноября) 1818 года в городе Орле.

Отец: Сергей Николаевич Тургенев (1793–1834) был отставным полковником.

Мать: Варвара Петровна Лутовинова (1787–1850) происходила из богатой дворянской семьи помещика Лутовинова.

Детские годы Тургенев провёл в помещичьей усадьбе матери, селе Спасское-Лутовиново, близ города Мценска Орловской губернии.

Первым учителем маленького Вани Тургенева был дворовый человек, крепостной Фёдор Лобанов.

В 1827 году семья переехала в Москву, где Тургенев обучался в частных пансионах и под руководством домашних учителей.

В 1833 году, в 15 лет, поступил в Московский университет, в 1834 году перевёлся в Петербургский университет.

Первым литературным опытом Тургенева стали романтические стихотворения и драматическая поэма «Стено» (1834).

В 1837 году закончил словесное отделение философского факультета.

В 1838 году Тургенев, в 20 лет, отправился в Германию для слушания лекций по классической филологии и философии.

В 1841 году возвратился в Россию и поселился в Москве.

В 1843 году состоялось знакомство с Виссарионом Григорьевичем Белинским.

В помощь учителю

1844 г. – первый опыт Тургенева в художественной прозе: написана и опубликована повесть «Андрей Колосов» в «Отечественных записках».

В 1846 г. написаны поэма «Помещик» и повесть «Три портрета».

В 1847 году в журнале «Современник» напечатан первый рассказ «Хорь и Калиныч» из серии «Записки охотника».

В 1850 году Тургенев сблизился с Николаем Алексеевичем Некрасовым и редакцией журнала «Современник».

В 1852 году Тургенев написал и опубликовал некролог на смерть Н.В. Гоголя, за что был посажен под арест и выслан на жительство в имение матери под присмотр полиции, в село Спасское. Проявляя большой интерес к крепостнической теме, будучи противником крепостничества.

В 1854 г. Тургенев создаёт повести «Муму» и «Постоялый двор» (1855).

В 1855 году в селе Спасском был написан роман «Рудин» о жизни русского общества 30-х–40-х годов, о влиянии идей и духовной роли дворянской интеллигенции в русском обществе.

В 1858 г. опубликована в «Современнике» повесть «Ася».

1859 г. – выход в свет романа «Дворянское гнездо».

В 1860 году создан роман «Накануне» о духовном пробуждении русского общества в кризисную эпоху 60-х годов XIX века.

В 1862 году написан роман «Отцы и дети», посвящённый памяти В.Г. Белинского.

В 1864 году – публикация повести «Призраки».

1867 г. – публикация романа «Дым» в «Русском вестнике».

В 1876 году написан роман «Новь» о развитии революционно-народнического движения в России в 70-х годах XIX века.

В 1883 году, 3 сентября, в возрасте 65 лет, в городе Буживале, близ Парижа скончался великий русский писатель И.С. Тургенев.

В 1883 году И.С. Тургенев похоронен на Волковском кладбище в Петербурге при огромном стечении народа.

Список литературы

1. Гаецкий Ю.А. Ранние метели, повесть о Тургеневе. – М.: Издательство «Детская литература», 1964.
2. Готовые сочинения по литературе, 6 класс. Метод. пособие. – М.: Изд-во «ВАКО» совместно с ООО «Златоуст», 2013.
3. Готовые сочинения по литературе, 7 класс. Метод. пособие. – М.: Изд-во «ВАКО» совместно с ООО «Златоуст», 2014.
4. Егорова Н.В. Все произведения школьной программы, 5–9 классы: Учеб. пособие. – М.: Изд-во «ВАКО», 2013.
5. Егорова Н.В., Золотарёва И.В., Михайлова Т.И. Поурочные разработки по литературе, 9 класс. – М.: Изд-во «ВАКО», 2014.
6. Краткая литературная энциклопедия. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1972, Т. 7, статья «Тургенев».
7. Кондрашов В.Н. Литературные викторины. – М.: Детгиз, 1961.
8. Миронова Н.А. Все сочинения по литературе, 7 класс. – М.: Изд-во «Спиши.ру», 2015.
9. Тургенев И.С. Собрание сочинений в 12 т., Т. 11. – М.: «Художественная литература», 1979.
10. Тургенев И.С. Рудин, Дворянское гнездо, Накануне. – Ставропольское книжное издательство, 1984.
11. Тургенев И.С. Избранное. – М.: «Современник», 1981.
12. Тургенев в школе. Пособие для учителей. Составитель Т.Ф. Курдюмова. – М.: «Просвещение», 1981.

Содержание

Инсценировки к школьным спектаклям, концертам и вечерам	5
Бежин луг	5
Первая любовь	22
Юный Тургенев	33
Ася	41
В помощь учителю.	
Школьная неделя конкурсов	
«200 лет со дня рождения И.С. Тургенева»	44
Картины родной природы	
в произведениях И.С. Тургенева.....	44
Стихи И.С. Тургенева	52
Стихотворения в прозе И.С. Тургенева	61
Для школьных викторин	66
Для ученических сочинений: цитаты	73
Хронология жизни И.С. Тургенева	76
Список литературы	78

Цоколов Александр Андреевич

Автор-составитель

РУССКОЕ СЛОВО ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

(1818–1883)

К 200-летию со дня рождения

12+

Книга печатается в авторской редакции

Редактор Н.Ю. Казанская

Оформление обложки С.Ю. Пеников

Компьютерная вёрстка Н.Ф. Бармина

Корректор А.Д. Салик

Подписано в печать 22.07.2017 г.

Печать цифровая. Бумага офсетная.

Формат 60x90/16.

Печ. л. 5,0. Уч.-изд. л. 3,14.

Тираж 100 экз. Заказ №0969.

Издательство ИТРК

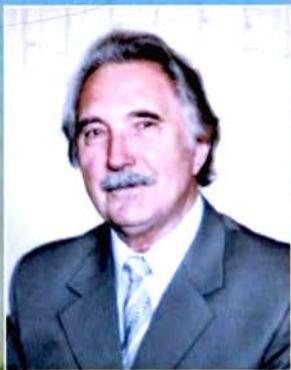
127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5а, стр. 2

8(495) 6851687, 8(915) 0221030,

info@itrk.org, <http://itrk.org>

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Печатное дело», 142300, М.О., г.Чехов, ул.Полиграфистов, д.1

Цоколов Александр Андреевич – учитель русского языка и литературы, почётный работник общего образования Российской Федерации, автор-составитель представленного сборника. Данный сборник подготовлен к знаменательной дате – 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева. В книге представлены материалы, переработанные и адаптированные для театральных школьных постановок, по произведениям И.С. Тургенева.

Автор разрабатывает серию пособий «Школьные спектакли. Школьные литературные концерты. Викторины по русскому языку и литературе».